

КТО ДУШУ СВОЮ ПОЛОЖИТ ЗА ДРУГИ СВОЯ

СЛУЖБА И СЛУЖЕНИЕ

Патриарх Кирилл:

*«Если у вас будет сильная вера и сильный дух,
то мы все будем уверены
в полной боевой готовности моряков...»*

Дорогие друзья!

Совсем скоро мы отметим главный православный праздник – Светлое Христово Воскресение. Именно в этот день в душе каждого верующего возникает особое состояние радости, света и надежды.

Желаю всем нам встретить этот благодатный день в кругу семьи. Вместе сходить в храм на Пасхальное богослужение, с молитвою освятить традиционные угощения и собраться за большим праздничным столом. Крепости сил вам и всещедрой помощи Божией во всех делах и начинаниях!

Уважаемые читатели! Выпуск в ваших руках не совсем обычный. Он впервые выходит без личного обращения к вам моего друга – издателя журнала. В ноябре прошлого года Александр Куликов ушел от нас. Материал «Знак бесконечности» посвящен памяти Александра. Скорбим...

Дорогие братья и сестры! Я знаю, что многие из вас бережно хранят журнал «Служба и служение». Это особенно ценно. Ведь мы по крупицам собираем и раскрываем жизненные истории наших современников, которые своим примером служения Отечеству и Русской православной церкви укрепляют дух подрастающего поколения в вере и патриотизме. Яркие примеры мужества и осознанного служения вы найдете в материалах о главе Татарстанской митрополии, иеромонахе Вениамине, о бывшем военном атташе, а ныне иконописце Александре Белякове.

С любовью к вам,
Виктор ТАБАЧКОВ.

«СЛУЖБА И СЛУЖЕНИЕ»

Журнал одобрен Синодальным информационным отделом РПЦ, руководителем Пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси, Управлением по работе с верующими военнослужащими Министерства обороны РФ. Наши читатели – личный состав частей морской пехоты Флотов и флотилий России, военные комиссариаты субъектов РФ, ветераны морской пехоты и курсанты военно-патриотических клубов. «Служба и служение» – рассказывается о примерах российской истории, посвященных непростому вопросу принятия Веры «лучших сынов Отечества», офицеров российской армии и флота.

Нас читают:

члены Совета Федерации Федерального собрания РФ, члены Совета безопасности РФ, депутаты Государственной Думы, члены Общественной палаты, главы Законодательных собраний и администраций субъектов РФ, военнослужащие Министерства обороны РФ и российских специальных служб, руководители крупных коммерческих фирм, банков и предприятий.

2

**Связь церкви
и Военно-морского флота
нерушима**

8

**Правдивый диалог
о главном**

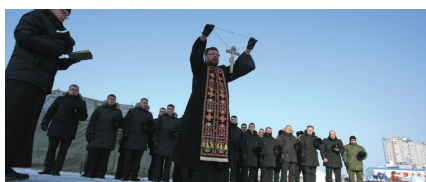
12

**Кто в море не ходил –
тот не молился**

20

**Ни от чего не отказывайся,
кроме греха, и ни на что
не напрашивайся**

28

**Крещение Господне в водах
Амурского залива**

29

**День памяти апостола
Андрея Первозванного**

30

**Александр Куликов.
Знак бесконечности**

36

**Миротворческая миссия
Митрополита Феофана**

СЛУЖБА И СЛУЖЕНИЕ

Учредитель:
Табачков В.С.

Издатель: Кинокомпания
«Союз Маринс Групп»

Март 2017 года

Главный редактор:
Табачков В.С.
Заместитель главного редактора:
Алимбеков Е.К.

Редакционный совет:
Вальковский Н.С.
Конкин П.Л.
Королева Е.Н.
Шелестова В.А.
Шилов П.С.

Фото на обложку
предоставлено пресс-службой
Патриарха Московского и всея Руси

Почтовый адрес редакции:
125445 Москва
Ул. Смольная, д.24 а
Телефон/факс +7 (495) 660-88-00
E-mail: v.tabachkov@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Роскомнадзоре
Свидетельство ПИ № ФС77-46023
от 04 августа 2011 года
При перепечатке или использовании
редакционных материалов в элек-
тронных СМИ ссылка на «Служба
и служение» обязательна.
Точка зрения редакции не обяза-
тельно совпадает с мнением авторов.
Ответственность за достоверность
опубликованных сведений несут
авторы.
Свободная цена.
В воинских частях распространяется
бесплатно.
Тираж 3000 экз.

По вопросам получения и распро-
странения журнала обращаться
в редакцию.

СВЯЗЬ ЦЕРКВИ

И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА НЕРУШИМА

Две великие силы во многом определили духовное единство народа.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл впервые посетил Кольский край в год 100-летнего юбилея столицы Мурмана.

В конце лета 2016 года на мурманской земле с почетом встречали предстоятеля Русской православной церкви. В аэропорту его ожидали командующий Северным флотом вице-адмирал Николай Евменов, губернатор Мурманской области

Марина Ковтун, митрополит Мурманский и Мончегорский Симон, епископ Североморский и Умбский Митрофан, а также представители духовенства Мурманской митрополии.

Едва спустившись с трапа самолета, патриарх начал свою первосвятительскую миссию, объяснив

представителям средств массовой информации цели своего визита на кольскую землю:

– Я давно хотел побывать в Мурманской епархии. Благодарю Бога, что в юбилейный для города Мурманска год, когда празднуется 100-летие со дня его основания, я имею возможность посетить наше русское Заполярье, самый северный регион европейской части России, для того, чтобы вместе с жителями области, жителями города Мурманска помолиться, духовно пообщаться с ними, увидеть жизнь этого героического региона.

– Земля русского Заполярья всегда играла очень большую роль в судьбах нашего Отечества, – продолжил патриарх. – Но Мурманск как город-герой сыграл особую роль в годы Великой Отечественной войны. И, конечно же, посещая Северный флот, посещая Мурманск, мы будем вспоминать и тех героев, что жизнь свою положили за свободу нашего Отечества.

Из аэропорта святейший владыка направился в Трифонов Печенгский мужской монастырь, что находится в селе Луостари Печенгского района.

Самый северный монастырь России

Свято-Троицкий Трифонов Печенгский монастырь, который первым на мурманской земле гостеприимно распахнул двери для святейшего владыки, знаменит тем, что является самой северной духовной обителью нашей страны и старейшим монастырем на Кольском полуострове. Основан он был в 1529 году преподобным Трифоном Печенгским на месте, где река Нама-Йоки впадает в Печенгу.

История монастыря знает много трагических моментов. В канун Рождества Христова 1590 года отряд финских захватчиков Пекки Вессайнена вероломно напал на монастырь. Подданные шведского короля уничтожили всех, кто находился в обители, и сожгли ее – 116 человек приняли мученическую смерть.

Следующий пожар случился в монастыре, переведенном на территорию Кольского острога, в 1619 году. После этого монастырь отстроили на новом месте – за рекой Колой. В 1765 году обитель упразднили указом Екатерины II. Лишь спустя столетие, в 1886 году, указом Святейшего Синода монастырь возобновили в устье реки Печенги, на месте гибели печенгских мучеников.

После Октябрьской революции монастырь был разорен, настоятель игумен Паисий был репрессирован и впоследствии расстрелян. 30 ноября 1939 года началась советско-финляндская война, которая нанесла большой урон монастырю и братии. С началом Великой Отечественной войны монастырь снова оказался в эпицентре боевых действий, в 1944 году печенгские монахи прибыли в Новый Валаам (территория Финляндии) и продолжили там богослужения совместно с валаамскими братьями по вере. С кончиной монаха Акакия в возрасте 110 лет завершился финский период в истории Трифоно-Печенгского монастыря.

В 1995 году по представлению Печенгского районного краеведческого музея и отдела культуры единственное сохранившееся здание церкви Рождества Христова было передано РПЦ. Монастырь возродился в 1997 году на своем исконном месте – в Трифоновой пустыни: 20 октября Святейший Синод утвердил Постановление о восстановлении Трифонов-Печенгского монастыря.

Ныне монастырь – это комплекс деревянных зданий, восстановленных в том облике, в каком они существовали в XVI веке – в виде монастыря-крепости, острога, как дань традициям древности. На его землях, в районе поселка Луостари, находится могила преподобного Трифона Печенгского и мучеников Ионы и Германа, первыми пострадавших от мечей разбойников при разорении монастыря в XVI веке, а также мощи всех мучеников, сложивших головы в 1589 году. При раскопках в этих местах были обнаружены и массовые захоронения красноармейцев, погибших в ходе наступательной Петсамо-Киркенесской операции. Божьим промыслом их останки оказались перемешаны с мощами мучеников.

В такое святое место, орошенное большой кровью монахов и советских воинов, отправился патриарх, чтобы совершить славление преподобному Трифону Печенгскому и испросить его благословения на служение на мурманской земле. В прославленной обители Трифона Печенгского его встречали наместник монастыря игумен Давид, монастырская братия, а также представители администрации и жители поселка.

Патриарх обратился к собравшимся с первосвятительским словом, выразив радость и удивление от посещения места, где монашеская жизнь существовала уже в те времена, когда не было ни карт, ни дорог, когда всякое путешествие, тем более на Севере, сопровождалось многими опасностями и трудностями. Он поблагодарил всех тех, кто был причастен к возрождению самой северной духовной обители России.

Северный флот встречает патриарха

С нетерпением ждал патриарха и Северный флот. К встрече святейшего впервые за последние несколько дней тучи над флотской столицей полностью разошлись, и к самому его приезду солнце щедро залило набережную. И это казалось маленьким чудом.

На плацу соединения надводных кораблей Северного флота в парадном строю замерли военнослужащие Североморского гарнизона. Чуть в сторонке определили место для будущих защитников Отечества – юных североморцев, недавно принятых в ряды юнармии. И вот знаменательный момент настал – Северный флот встретил патриарха под звуки торжественного марша.

Главу Русской православной церкви приветствовал командующий Северным флотом вице-адмирал Николай Евменов. Визит предстоятеля Русской православной церкви на Северный флот он назвал событием, которое войдет в историю, и объяснил, почему:

– Слово пастыря и Божье слово для всех православных многое значит. Это значит укрепиться в вере, укрепиться в службе. Как пример – святые для каждого православного воина имена адмиралов Нахимова и Ушакова.

– Над нами реет флаг Андрея Первозванного, – продолжил свою мысль командующий. – Под этим флагом сражались наши деды. Под этим флагом мы выходим в море и несем свою нелегкую службу. Служба моряка не только почетна, она связана с определенной долей риска. Моряки рискуют

жизнью. Поэтому слова: «Кто в море не ходил, тот Богу не молился» – для нас не пустой звук.

От лица североморцев вице-адмирал Евменов выразил патриарху искреннюю признательность за визит, пожелав ему здоровья и Божией милости.

Затем с ответным словом к военным морякам обратился глава Русской православной церкви, и это было напутственное, пастырское слово. Он сказал, что с особым чувством вступил на землю, отмеченную великими подвигами наших воинов в Великой Отечественной войне, с особым чувством посетил Североморск, столицу Северного флота:

– Северный флот является важной составляющей нашего оборонного щита. Север России – это та территория, с которой мы во многом связы-

ваем и будущее. Помимо того, что это богатая земля, она еще и очень важна с точки зрения обеспечения обороны России, с точки зрения развития экономики и транспорта.

– Я хотел бы сказать, – продолжил в обращении патриарх, – что ваша служба в мирное время имеет огромное значение для всей страны. Ваше пребывание на этих берегах обеспечивает реальный мир и безопасность для нашего народа. Для того чтобы это было так, и в мирное время наши Вооруженные силы должны находиться в полной боевой готовности. И не только технически, не только с точки зрения владения военным мастерством. Защитники Отечества должны быть людьми сильными духом.

Можно прекрасно владеть техникой, обладать профессиональными навыками, но наступит такой момент, когда исход сражения или эффективного несения службы в мирное время будет зависеть не от этого, а от внутреннего состояния воина.

Мы помним, что в нашей истории был трагический период, когда без единого выстрела, без единой выпущенной ракеты распалась великая страна. При всем том, что уровень ее обороноспособности был очень высоким.

Мы никогда не должны повторить ничего подобного. Такие трагедии происходят от беспамятства, полной потери ориентации в историческом пространстве, потери национального самосознания, разрушения веры и нравственности. Вот почему состояние духа военнослужащих является

непременным залогом сохранения мира в нашей стране, а поскольку наше государство является ядерной державой, то и для мира во всем мире.

Патриарх Кирилл также отметил, что Церковь придает большое значение взаимодействию с Вооруженными силами. И за последние годы в этом направлении делается многое. Один из таких шагов – возведение в Североморске кафедрального собора и то, что главная база Северного флота стала центром Североморской епархии.

На память о своем первосвятительском визите на Северный флот святейший владыка передал командующему образ святителя Николая Чудотворца, сопроводив дар рассказом об этом святом покровителе всех мореходов и мореплавателей.

– Образ не боится воды, он сделан из полудрагоценных камней. Это так называемая флорентийская мозаика, особый стиль создания красочных произведений при помощи сочетания различных сортов камня.

Пусть этот образ святителя Николая с памятной дощечкой о том, что он является благословением и даром Северному флоту от патриарха, станет святыней для всех вас. Большинство морских храмов и соборов посвящены Чудотворцу Николаю. Из его жития мы знаем, что он спасал мореплавателей в страшные бури и шторма. И, как рассказывают моряки, святитель Николай – это тот святой, к которому по-прежнему обращаются мореплаватели в самые тяжкие моменты, связанные с огромным риском для жиз-

ни. Молитвы моряков слышит святитель и Чудотворец Николай. Его молитвами да хранит Господь Военно-морской Флот России, Северный флот нашего Отечества.

На память о визите на Северный флот патриарх из рук командующего получил макет новейшей атомной подводной лодки проекта «Ясень-М», которая будет носить имя «Пермь». Ее закладка состоялась на Северодвинском «Севмаше» в этом году и была приурочена к Дню Военно-Морского Флота.

В завершение встречи с военнослужащими патриарх Кирилл со своим патриаршим благословением каждому из присутствующих передал маленькую иконку с изображением Христа Спасителя.

На корабле «Петр Великий»

После торжественного прохождения войск Североморского гарнизона патриарх Кирилл в сопровождении командующего Северным флотом вице-адмирала Николая Евменова посетил флагманский корабль Северного флота ордена Нахимова тяжелый атомный ракетный крейсер «Петр Великий». На борту их встречал командир корабля капитан первого ранга Вячеслав Малаховский.

Патриарх осмотрел ракетную палубу и ходовую рубку крейсера «Петр Великий». Здесь ему рассказали о боевых возможностях и об истории корабля, после чего в кают-компании состоялась встреча Его Святейшества с командованием и членами экипажа.

В беседе с североморцами патриарх сделал акцент на духовной составляющей военной службы и заметил, что для воина важны не только физическая подготовленность и профессионализм, но и его убеждения, и сила духа, и способность выполнять приказы и идти вперед, сохранять спокойствие и уверенность в правоте своих действий даже в минуту смертельной опасности.

– Все это исключительно вопросы духовные, – подчеркнул предстоятель. – Никакими деньгами нельзя компенсировать потерю жизни или здоровья, а значит, в Вооруженных силах может служить только человек, имеющий такую внутреннюю мотивацию, которая перекрывает и недостаточность материальных средств, и бытовую неустроенность.

Рассказывая о встречах с подводниками, патриарх поведал их свидетельства о том, что после погружения подводной лодки в ее экипаже не остается неверующих.

– Это происходит потому, что, находясь в экстремальной ситуации, человек чувствует свою хрупкость, – пояснил он. – Ему особенно нужна помощь Божия, человек ощущает потребность в нем, и все философские рассуждения на тему, есть Бог или нет, уходят куда-то далеко.

Патриарх пожелал морякам крепкой веры, которая будет помогать не только служить, но и преодолевать различные трудности.

– Если у вас будет сильная вера и сильный дух, то мы все будем уверены в полной боевой готовности моряков Северного флота, – сказал святейший патриарх Кирилл. – Но самое главное,

чего хотел бы всем вам пожелать, – чтобы ваш профессионализм, ваша готовность защищать Родину никогда реально не пригодились. А для этого все вы должны быть очень хорошо подготовлены и очень хорошо мотивированы. Чтобы многие и многие вокруг нас знали, что такое Военно-Морской Флот Российской Федерации, – заключил предстоятель Русской православной церкви.

В дар крейсеру патриарх Кирилл передал икону святого апостола Андрея Первозванного. Экипажу были вручены иконки Покрова Пресвятой Богородицы. Моряки «Петра Великого» вручили Его Святейшеству копию герба крейсера.

Свято-Андреевский Морской кафедральный собор

Главным событием во время пребывания патриарха Кирилла во флотской столице стало малое освящение им Свято-Андреевского Морского кафедрального собора и утренняя всенощная в новоосвященном храме, который призван стать главным военно-морским собором на Кольском Севере.

На богослужении присутствовали командующий Северным флотом вице-адмирал Николай Евменов, губернатор Мурманской области Марина Ковтун, глава муниципального образования ЗАТО Североморск Александр Абрамов, глава администрации Североморска Ирина Норина, представители командования Северного флота.

Для удобства верующих, так как далеко не все желающие могли попасть в храм ввиду его скромных размеров, на территории собора был установлен экран, на котором шла трансляция богослужения.

По его окончании председатель Русской православной церкви обратился к верующим со словом, в котором вновь подчеркнул нерушимую связь православия и Военно-Морского Флота.

– Северный флот – мощный щит, прикрывающий нашу землю. Связь Церкви и Военно-Морского Флота на протяжении веков была настолько прочной, что никто и помыслить не мог о возможности разъединения этих двух великих сил, во многом определивших духовное единство народа, его духовную и физическую безопасность. Практически на каждом корабле служил священник. Военные моряки были опорой государства и Церкви. Но в XX веке произошло трагическое разделение нашего народа, которое было преодолено только недавно...

И вот настало благодатное время, когда все искусственно созданные средостения рухнули, мы снова ощущаем себя единым народом, мы все – братья и сестры, а это во много крат увеличивает патриотический потенциал народа, его силу, его способность не только любить Отечество, но и защищать его.

Патриарх отметил, что особая ответственность по духовному окормлению Северного флота возложена на Североморскую епархию и на ее правящего архиерея владыку Митрофана.

По завершении богослужения епископ Североморский и Умбский Митрофан приветствовал святейшего патриарха и преподнес ему икону

с изображением трех самых почитаемых святых Кольского Севера: преподобных Трифона Печенгского, Феодорита Кольского и Варлаама Керетского.

В ответ в дар собору святейший владыка передал икону Покрова Пресвятой Богородицы. С кратким словом также выступил командующий Северным флотом вице-адмирал Николай Евменов, который подарил собору икону Спасителя. Верующим были розданы иконки Покрова Пресвятой Богородицы с Патриаршим благословением.

Лики духовного воинства

В завершение визита в столицу Северного флота председатель Русской православной церкви посетил недавно открывшийся духовно-просветительский центр, который призван стать базой для миссионерской и просветительской деятельности Североморской епархии.

Там патриарх осмотрел выставку современной вышитой иконы «Стена нерушимая молитв за Отечество», представленную руководителем московской мастерской «Прикосновение» Натальей Горковенко. Экспозиция удивительных по красоте и сложности исполнения работ, выполненных в мозаичной технике с помощью бисера, жемчуга и полудрагоценных камней, организована при поддержке Благотворительного фонда культурных и социально значимых инициатив имени святого праведного воина Феодора Ушакова, Благотворительного фонда Архангела Михаила и Федерального агентства по делам национальностей. Она работала в Североморске четыре дня, и все желающие могли осмотреть ее совершенно бесплатно.

Порт морской, священный город

На следующий день, в праздник Преображения Господня, называемый еще Яблочным Спасом, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил божественную литургию в Никольском кафедральном соборе города Мурманска и чин освящения закладного камня в основание Спасо-Преображенского Морского кафедрального собора.

На богослужении присутствовали командующий Северным флотом вице-адмирал Николай Евменов, губернатор Мурманской области Марина Ковтун, председатель Мурманской областной Думы Михаил Ильиных, глава муниципального образования города Мурманска Алексей

Веллер, глава администрации города Мурманска Андрей Сысоев. Обращаясь к собравшимся, патриарх отметил, что это событие оказалось отложенным на много десятилетий.

– В каждом крупном городе России были кафедральные соборы, – сказал патриарх. – Потом их разрушали, во многих городах они уже отстроены заново. А в Мурманске возвести кафедральный собор не удалось даже в то благоприятное время, потому что сам город не был центром епархии. И сейчас наступил тот момент времени, когда кафедральный собор стал жизненно необходим Мурманску.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл подчеркнул, что кафедральный собор – это центр духовной жизни, культурная, художественная доминанта города, то место, куда люди будут приходить не только в дни праздников, но и когда возникнет потребность совершить молитву.

Патриарх напомнил о том, что в праздник Преображения важно осознавать: если мы хотим преобразить Отечество, нужно начинать с преобразования собственной жизни.

В заключение патриарх Кирилл совершил молитвенное поминовение у рубки атомной подводной лодки «Курск». В заупокойной литии он молился за всех моряков, погибших в мирное время.

Затем глава РПЦ посетил возвышающийся над Кольским заливом мемориал защитникам Советского Заполярья в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., расположенный на сопке Зеленый мыс. Он возложил цветы к монументу павшим воинам.

Вера в Бога помогла людям выжить

Следующим пунктом первосвятительского визита главы РПЦ в Мурманскую область стал город Кировск. По прибытии туда патриарх Кирилл направился в храм в честь Спаса Нерукотворного Образа, построенный в 2004 году при содействии градообразующего предприятия Кировска – АО «Апатит» («Фосагро»). Храм сооружен на месте, где находились палатки первых спецпереселенцев, героическим трудом которых были построены город и комбинат «Апатит».

Освоение месторождений в суровых Хибинских горах началось в 1930-е годы. Люди, построившие город и комбинат, приехали на хибинскую землю не по

своей воле. Многие из них, насильно сорванные со своих родных мест и отправленные в Заполярье, брали с собой иконы. Вера в Бога помогала людям выжить в неимоверно тяжелых условиях. Во многих семьях детей и внуков первых переселенцев, теперь уже потомственных кировчан, хранятся иконы дедов и прадедов.

У врат храма предстоятеля Русской православной церкви встречали настоятель церкви священник Алексей Шипитка и жители города. Святейший патриарх Кирилл обратился к собравшимся:

– Всех вас, мои дорогие, я очень рад видеть! Давно-давно, в 1976 году, я был здесь, в Кировске. Но и представить себе не мог, что в этом городе появится такой замечательный храм. Наверное, менее всего я мог помыслить тогда, что увижу здесь так много православного верующего народа.

В дар храму патриарх передал икону Божией Матери «Неопалимая Купина». Верующим были вручены иконки Покрова Пресвятой Богородицы с патриаршим благословением.

Затем патриарх отправился на Кировский рудник, где возглавил чин освящения закладного камня в основание храма в честь Святой великомученицы Варвары. Место для строительства церкви было выбрано не случайно. Святая великомученица Варвара – небесная покровительница горняков, и церковь на руднике поможет обрести духовный настрой, добавит силы и уверенности в работе.

Завершив чин освящения, патриарх обратился к собравшимся:

– Очень хорошо, что молитва совершается здесь, на этом месте, где из земли добываются большие ценности, приносящие огромную пользу людям.

После посещения производственных объектов АО «Апатит» Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в сопровождении духовенства, губернатора Мурманской области Марины Ковтун и руководителей компании спустился в шахту – в подземный горизонт Кировского рудника.

Уже вечером того же дня патриарх покинул Мурманскую область и направился на Соловки, где он является священноархимандритом Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального монастыря.

Владимир ЛЕВЧУК
Фото автора

ПРАВДИВЫЙ ДИАЛОГ О ГЛАВНОМ

Эта встреча стала полнейшей неожиданностью, как бывает почти со всяким подарком судьбы. Волей случая мы оказались ранней весной на красивейшем берегу Черногории в городе Герцег-Нови. Наш собеседник — Александр Борисович Беляков — бывший военно-морской атташе в Белграде (Югославия), капитан первого ранга Балтийского флота, а ныне — иконописец, строитель и староста храма святого Федора Ушакова в Герцег-Нови, представитель Торгово-промышленной палаты РФ в Черногории, художник. Духовное чадо отца Иоанна Крестьянкина.

Это был первый день Великого поста. Ранним утром Александр Борисович позвал нас к себе в храм святого Федора Ушакова. После того как был вычитан канон Андрея Критского, он пригласил нас, как это водится в Черногории, на кафу (на кофе). Завязалась беседа.

Вначале пути

— Александр Борисович, а все-таки, как вы пришли к Богу? Ведь потомственный военный, капитан первого ранга, отец тоже был...

— Капитаном первого ранга. А к Богу пришел так. Был таким «коммунякой» упертым...

— Сколько лет было «коммуняке»?

— Лет сорок, наверное, ни во что не верил. Хотя иногда такие говорил вещи, что народ падал замертво. Не то чтобы я провидец какой был. Кто я? Да чучело упертое! Но интересно сейчас так вспоминать и отслеживать, как же Господь тебя приближает к себе. Было, помню, такое: я старший лейтенант, штурман большого противолодочного корабля «Бдительный»...

— В каких водах?

— Балтийский флот. Все нормально: партия, правительство... И вот партия дает задание идти на боевую службу в Северную Атлантику, следить за авианосно-ударной группой во главе с авианосцем «Индепенденс» с ядерным

оружием на борту. Но мы тоже идем не пустые — все, как положено. В случае чего у нас приказ грохнуть их, но и у них, конечно, такой же. Идем: ноябрь месяц, холод, дожди. Все блатные — с корабля, остались только рабочие и крестьяне. А батя мой такой, что готов был меня в любую дыру засунуть, чтобы я возмужал и почувствовал «кузькину мать».

— Какой молодец!

— Да уж! Ну и вот: прошли мы проливную зону: ветер, снег! Мы стоим на якоре, ждем указаний от партии и правительства. Я склонился над картой, смотрю, как обойти Норвегию, как выйти в нужные нам воды. Вдруг командир меня спрашивает: «Штурман, ты мне скажи: Бог есть?» «Есть», — я ему отвечаю. «Это ты мне как коммунист коммунисту говоришь?» «Да как хочешь», — говорю. — «Есть!» А он мне: «Да что ж это твой Бог тогда делает? Вот сейчас там, на берегу, нормальные мужики-офицеры в тепле, с красивыми женщинами в ресторан пойдут, выпьют, поедят, потанцуют, потом пойдут домой. А мы? На ветру, как собаки, не спим, дождь со снегом жуем. Это что — справедливо?» Я ему отвечаю: «Не факт, все еще в перспективе». — «Что в перспективе? Я тебе скажу, что в перспективе: шесть месяцев штормовая Серверная Атлантика, вахта четыре через четыре! Вот и вся твоя перспектива, приедешь зеленый, как змий!»

А меня что-то заело: «Да не факт!» А тут из радиорубки сообщение: «Получено сообщение из штаба». Командир

встает и бросает мне через плечо: «Ну, вот, штурман, привет тебе от твоего Бога!» Приходит радист, а у него рот до ушей.

Командир: «Да что ты лыбишься?»

Радист протягивает телеграмму: «Вот! Указание пришло». Командир читает и крестится: «Господи помилуй!» И на меня взгляд бросает, потом берет, включает систему «Каштан», громкоговорящая система ППК: «Внимание личному составу! Получено указание правительства Советского Союза выполнить боевую задачу». Все думают: «Ну, какая там боевая задача, уже все и так понятно...» А командир читает: «Нам предстоит обеспечить безопасность проведения фестиваля молодежи и студентов на острове свободы Куба. Корабль к боевому походу приготовить!» Через секунду влетает замполит с пистолетом: командир несет «отсебятину!» А командир ему протягивает листок и молча на меня пальцем указывает.

И что потом началось! Шесть месяцев в тепле и солнце, задача такая была у нас, чтобы наши русские матросы гуляли по Гаване, потому что американцы готовили провокации, и важно было наше присутствие. И шесть месяцев – сплошная «Бессаме муча»! Презентация, рестораны... возвращаемся через шесть месяцев загорелые, счастливые, нас встречает командующий флотом – митинг, объятия друзей. Вот что значит по воле Божьей! И тут же готовится второй отряд, потому что это была только подготовка к фестивалю. И вот тут-то, конечно, всех рабочих и крестьян погнали, набились одни блатники. Четко взяли курс на Гавану. А в это время командующий Северным флотом приходит к Главному, а тот спрашивает его: «У тебя все в порядке?» «Да, все. Только вот как-то несправедливо получается – балтийцы ходят на Кубу, а наши только в Северной Атлантике...» «Да. Нехорошо. Давай-ка я вас поменяю». И этих блатников отправляют в Атлантику, они приходят через шесть месяцев совершенно никакими. Было страшно смотреть на этот избалованный контингент!

– **А как вы крестились?**

– Были события в Югославии 16 сентября 1991 года. Поломали меня тогда сильно. Лежу в больнице с переломами. Потом приехал в Москву, и мой приятель, художник, говорит мне: «Надо тебе креститься, Саша». И окрестили меня. В московском храме.

– **А как случилась ваша встреча с отцом Иоанном?**

– Это было довольно прозаично. Настоятель монастыря в Печерах, архимандрит Тихон, с которым мы в хороших дружеских отношениях, рассказывает мне о батюшке Иоанне, и так мне интересно стало. А потом он и говорит мне: «Надо помочь батюшке сделать первую книгу, найти спонсоров на издательство». И так получилось, что я очень быстро нашел этих спонсоров, книга вышла, и отец Тихон передал мне от отца Иоанна вложенное в книгу письмо с благодарностью и приглашением приехать. А потом, когда приехал в Печеры в другой раз, мы и встретились. Батюшка был удивительный. Мне бы записывать, что он говорил мне. Все что говорилось – сбывалось в свои сроки. Все видел, все знал! И мне так было приятно, когда я узнал, что и Владимир Владимирович Путин у него бывал.

– **Александр Борисович, как вы решились переехать из России в Черногорию?**

– Да ничего я не решался, отец Иоанн благословил, я внутренне обмер, потому что был уже в отставке, но тогда уже стал крупным бизнесменом – строил в балтийском Калининграде дома. Но делать нечего – благословение есть благословение: бросил все и переехал в Черногорию. Хожу по новой стране и думаю: зачем? Зачем? Пока с этим вопросом не наткнулся на старое разрушенное кладбище. Тогда все встало не свои места и завертелось...

Как строился храм святого Федора Ушакова

– **Расскажите!**

– Это непростая история, и она уходит вглубь веков. Когда адмирал Синявин пришел на эту землю, он сразу заявил, что «...я не буду вмешиваться ни в какую политику, пусть все будет на самоуправлении». То есть он определил ту политику, которая и поныне в Черногории. Была заложена та основа, которая и поныне в политической организации страны. Они сами собрали свою скупщину, определяли, кто у них главный, наши выступали только советниками. Причем австрийцам дали спокойно выйти, никто их не пленил, а потом произошло, как у нас всегда в истории бывает: подписали Тельзитский мир с французами (1807 г.), Александр, наш царь, читает список городов, решает, что к кому отходит, ну, понятно, например, Рязань, Воронеж – это наше исконное, читает дальше «Каста дель Бокко»... Спрашивает у своего помощника: «Это что такое?» А географию тогда плохо учили... а это всего-навсего бухта Боко-Которского залива... «Да не знаю...» – «Ну, ладно... тогда французам!!!» Вот и весь бесславный конец! Наши еще там год пробыли, а потом приказ пришел, они собрались и ушли. Позже в бухту вошли французы, но их опять австрийцы погнали. У монастыря Савино, где и высадился адмирал Синявин, есть могилы наших офицеров еще с того времени. Отсюда десять минут пешком. Интересно, что в нашей российской истории одно время тоже писали, что адмирал Синявин с боем вошел в бухту Боко-Которского залива,

залпами мощных орудий всех оттуда повыгонял. Да не было ничего такого! Все было спокойно и в высшей степени благородно.

– Так здесь, в Герцег-Нови, рядом находятся два храма: монастырь Савино, которому больше двухсот лет, и храм Федора Ушакова? Кстати, как пришла идея строить храм и возродить кладбище?

– Да никак. Ничего от меня. Бог на душу положил, вот и все. Понимаете, здесь все было завалено, помойка такая была, обыкновенная кладбищенская свалка: старые стиральные машины, мусор... я и сам не знал, что здесь русское заброшенное кладбище. А когда этот исторический момент всплыл, местные ко мне обратились: «Может, вы восстановите?» А я что? Я сразу в Печеры к отцу Иоанну Крестьянкину: «Батюшка, что делать?» Приезжаю, а батюшка и говорит: «Благословляю!». Единственное, когда встал вопрос о храме, батюшка сказал очень строго: «Когда будете копать фундамент под храм, если найдете кости человеческие, все бросьте и уходите, больше к этому месту не подходите». – «А как копать фундамент, батюшка? Мы и место-то не знаем какое выбрать».

А он мне отвечает: «А ты позови митрополита Амфилохия, он тебе тросточкой покажет, а ты только колышки забывай». Приехал Амфилохий, тросточкой в кусты и заросли показывает: «Вот так, наверное, вот так...» А мы только колышки вбивать успеваем. Так вот, пока копали, а глубина фундамента два метра, так не то что человеческой, хоть бы одну кошачью кость нашли! Надо же так! Приезжаю в Печеры снова: «Так и так, батюшка, дальше что?» – «Благословляю строить!» И закипела работа. А деньги, как в таких случаях водится, нашлись. Иконостас расписали мы с одним русским иконописцем, я ему помогал, сам что-то писал, а руководил всеми этими работами наш художник, академик Сергей Николаевич Присекин, он наш главный идеолог был, распределял, что где писать. Он человек опытный, храм Христа Спасителя в Москве расписывал.

– Получается, что вы начали стройку в 2006-м, а закончили?..

– В 2008 году было освящение храма.

– А отец Иоанн Крестьянкин когда ушел от нас?

– В 2006 году.

– А кто освящал храм?

– Сам Амфилохий. От нашей российской православной церкви никого не было. Но само освящение у меня ознаменовалось такими событиями! У нас же как по-русски водится? Завтра утром приезжает Амфилохий, а сегодня мы вечером монтируем последние иконы, вешаем лампадки! Вечер. Идет дождь. А иконы тяжелые! Я писал иконы и сам готовил доску: брал толстое дерево – махагон – и вываривал его в олифе по пять-шесть часов с каждой стороны. Вечная получается икона, срежешь доску, а она внутри блестящая, словно пластиковая. Но тяжелая!

– Это что же за дерево такое – махагон?

– Африканское дерево, очень прочное, его в корабельном деле используют. Я таскал, значит, иконы, поскользнулся и сломал руку, да так неудачно, как карандаш. Скорая приезжает, аппарат Елизарова нужно ставить, а куда мне ехать, завтра освящение храма! Я, говорю, замотайте мне хоть как-то руку, ну они наложили мне лангету, я доделал все, ночью мы все стоим любуемся: красота! А утром в девять часов приезжает на «мерседесе» митрополит Амфилохий. Я думал: оденусь в костюм, буду на человека похож, все-таки делегация из Госдумы приехала, такой праздник! А влезть смог только в огромную старую рубашку и какую-то фуфайку. Рука заматана, болит. Выхожу встречать Амфилохия, а он на меня смотрит, улыбается: «Ты что, руку сломал?» Я головой киваю, а он в улыбке расплылся. «Ну, Слава Богу!» – «Как батюшка, Вы что?» – «А ты что думал, ты храм построил, и бесы тебе спасибо скажут? Вот тебе, Саша, награда, да еще и десять евро тебе дадут? Нет, дорогой, я за тебя три дня молился. Кому-то голову отрезали, кому-то глаза выкалывали, а тебе только руку сломали. Правая работает?» – «Работает». – «Штаны надеть можешь?» – «Могу». – «А стакан поднять?» – «Могу». «Так чего тебе еще сегодня надо? Остальное ты уже сделал!».

Освятили храм замечательно и потом на славу это событие отметили! Самое удивительное, что рука прошла через три недели. Такой сложный перелом, а без операции и гипса обошлись! Чудо! Все зафиксировано в документах, есть официальное заключение! Но болело долго, и на погоду, и так. Вообще-то у меня здесь со здоровьем прямо-таки чудеса происходили.

– Что за чудеса?..

О чудесах, распятии и силе молитвы

– Абсолютные чудеса! Сам бы не поверил, если бы не со мною было. В общем-то, конечно, все происходит из-за неграмотности моей. Нужно было нам в храм распятие написать – голгофу сделать. Это, знаете, наверное, такой огромный вырезанный крест с распятым на нем Господом. Я к одному иконописцу прихожу – не берет, я к другому – не берет. Я уж и деньги предлагал, хотя сам без денег сидел. Но никто не соглашался. Тогда я сам решился на эту работу, вырезал из дерева крест, принялся за работу, а тогда я уже ездил к отцу Августину в Печеры – батюшки Иоанна не стало с нами.

А отец Августин и говорит мне: «Саш, ты за такое дело берешься, должен быть кристально чист, тем более ты делаешь распятие неканоническое: пост жесточайший, молитва, ни курить, ни пить...» Но разве здесь удержишься! Я же русский человек! Стал писать таким, какой есть. Работа к концу подходит, а у меня вдруг лампочка гаснет, я встаю на стол, вкручиваю лампочку, и вдруг у меня стол наклоняется горкой и становится словно масляный... и я с этого стола вниз! Перелом бедра! Что самое удивительное – трезвый был, а все словно в тумане, как в кино – стол на дыбы, и я лечу, а в голове слова: «Ведь предупреждали же тебя, не лезь в распятие, надо быть таким кристально чистым человеком, просто идеальным, чтобы тебе Господь позволил писать распятие. Он-то тебе позволил, но ты, собака такая, не постишься, а пишешь, как художник...»

Короче, собрали меня, свинтили на шурупах, отлежал я в больнице, вышел. И первым делом на работу, кисть в руки, а мне кровь писать надо на распятии. Я к своему хирургу: «Пойди сюда, вот ты когда меня резал, кровь как текла?» Он что-то объясняет, а я ему кисть в руку: давай пиши! Он ни в какую. Тогда я ему: намешай мне красок, какая кровь должна быть. Так... – написал. Теперь следующее: какая бывает сукровица, когда человек уже умер? Он опять все объяснил. А я его не отпускаю: где я мышцу неправильно написал? Короче, мучил я его долго. А там уже время пришло, кости мои срослись, и нужно было вытаскивать из меня шурупы и болты.

А это тоже сложная операция, нужно меня опять резать, опять потрошить, зашивать. Но распятие уже готово, я его на костылях притащил в храм, все, думаю, теперь можно и сдаваться. Иду в больницу 9 мая. Врач мне и говорит: «Саш, операция несложная, но трудоемкая. Мы таких здесь, в Риссане, уже 500 штук сделали. Попробуем быстро тебя восстановить. Сейчас мы тебя разрежем и зашьем, потом день в реанимации проведешь, потом переведем в палату, полежишь там тройку дней, потом будешь учиться садиться, все же бедро – дело серьезное! Потом будешь понемногу спускать ножки, вставать с кровати, потом ходить на специальной тележке, а потом на костылях и с палочкой мы тебя выпустим домой! В общем, до полного выздоровления – полгода!»

Я все выслушал и лег на операцию. Все прошло хорошо. Лежу в реанимации, слушаю себя: ничего не болит. Прошусь в обычную палату – скучно мне стало, но врач не пускает: знаю я тебя! Сутки все же я отлежал в реанимации, а потом перевели меня в палату. А я все время читал псалмы, которые батюшка Иоанн Крестьянкин велел мне читать...

– А какие это псалмы?

– 1-й, 24-й, 57-й, 50-й, 90-й, 100-й, 101-й, 102-й... почитал, лег спать, а ночью проснулся, не спится что-то, дай, думаю, покурю. Встал, вышел на балкон, только закурил и вдруг слышу такой визг истошный за спиной! Медсестра моя: «Что ж ты наделал, сейчас швы разойдутся, кости сместятся!..» Боже мой! Я совсем забуравил (забыл) про операцию! Слушаю себя: не болит!

А она уже грозит, что вызывает срочно хирургов, соберется консилиум, едва не убивает. Наконец успокоилась, ушла. И я притих, лежу. Время четыре часа утра. Все равно до шести часов никто не придет, думаю я. Встал, походил – не болит! Дай, думаю, кофейку поплюю. Утром прибегает мой врач, давай меня смотреть. Бинты снимает: «Дай закурить!» А он не курящий был. Я ему: «Что там?» – «У тебя зажило все!» Набирает директора клиники: «У этого иконописца зажило все!» Директор в трубку: «Да ты что, я 25 лет в хирургии, такого не бывает!» – «Приезжай, я не буду его забинтовывать!» Приехал главврач, осмотрел меня: «Ногу поднять можешь?» – «Могу». – «А вторую?» – «Могу». – «А присесть? А пройтись?» – «Могу. Могу. Могу. Ну, что?» – «Так здоров!..» – «Выпиши меня!» – «Не могу! Меня под суд отдадут, я человека прооперировал и на второй день после операции выгнал из больницы? На следующий день после реанимации, да?.. Хочешь, так иди!» – «Так не уйду, напиши мне бумажку, для истории надо!»

Написали, выпустили меня. Домой прихожу, жена меня увидела и чуть в обморок не упала – вчера еще приходила ко мне перевязанному, а тут... Вот такие чудеса! Поэтому когда мне говорят: «Давай спланируем что-нибудь!», я всегда отвечаю: ничего планировать не буду, вот будет благословение, тогда...

Продолжение следует...

Галина и Павел БАРЫШНИКОВЫ
Фото из архива А. Б. Белякова
и П. Барышникова

КТО В МОРЕ НЕ ХОДИЛ — ТОТ НЕ МОЛИЛСЯ

Иеромонах Вениамин

(в миру Владимир Николаевич Ковтун).

Окончил Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С. О. Макарова в г. Владивостоке в 1976 г. Службу в ВМФ начал лейтенантом на Северном флоте в 33-й дивизии ПЛ 1-й флотилии атомных подводных лодок. В 1997 году окончил службу на Северном флоте капитаном первого ранга в должности командира атомной подводной лодки и продолжил в главном штабе ВМФ. В 2002 году уволился в запас и был принят на работу в Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. В 2004 году окончил вечернее отделение Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). В 2006 году стал послушником Рождество-Богородичного Санакарского мужского монастыря. В 2008 году рукоположен во иеродиакона. В 2009 году был рукоположен во священника. В этом же году принял монашеский постриг. С июня 2012 года несет послушание войскового священника на Беломорской ВМБ в Архангельской и Холмогорской митрополии. В настоящее время он занимает должность помощника командира бригады строящихся и ремонтирующихся подводных лодок по работе с верующими военнослужащими на Беломорской военно-морской базе.

– Отец Вениамин, с первых веков принятия христианства на Руси оформился союз служителей церкви и воинства. И связь эта имела огромное значение. С давних пор на Руси для своей защиты от окружающих ее недругов приходилось много воевать, православие издревле было воинственным, а воинство – православным.

– Нет, не совсем так! На Руси для своей защиты от окружающих ее недругов приходилось действительно много воевать, как и нашей православной церкви, которая потому и зовется воинствующей, что тоже воюет, но только брань эта духовная с «духами злобы поднебесными». В этом есть сходство между тем, чем профессионально занимаются военнослужащие и церковно-служащие: и те, и те воюют. Только одни – с «духами», а другие – с врагами, но во плоти. В этой брани многие князья и полководцы сумели достичь такого высокого духовного уровня, что Русская православная церковь заслуженно причислила их к лику святых, таких как Александр Невский, Дмитрий Донской, Борис и Глеб, непобедимый адмирал Федор Ушаков. Собственно говоря, этими именами мы и называем свои лодки.

– Отец Вениамин, ведь не случайно само слово «воин» на Руси имеет особое значение. Подумать только, какие «рифмы»: служба военная – служба священническая, устав военный – устав священнический, там и там – иерархическое строгое послушание. А в целом и военное дело, и священнослужение имеют под собой общее понятие – служение.

– Действительно много схожего в самоотверженном характере их труда и даже их оценке: воины не получают заработную плату, а обходятся жалованием, как бы пожертвованием от государства, разве можно в деньгах оценить их труд и готовность отдать жизнь за «други своя», то есть за Отечество. Как Господь заповедал после своего крещения, так и живут: сколько дадут, тем и должны довольствоваться, так и называется их зарплата – денеж-

ное довольствие. Впервые деятельность военного духовенства была регламентирована Петром I в его Морском уставе, но еще раньше, в период царствования государя Алексея Михайловича Романа, в его уставе «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей» уже упоминалась должность полкового священника и определялось его жалование. А со времени императора Павла I начинается создаваться система управления военным духовенством.

– Как вы считаете, насколько необходим священник на корабле?

– На больших кораблях Русского Императорского флота всегда находился священник. Это была добрая традиция, которая диктовалась не только внутренними запросами верующих воинов, имевших потребность в Богообщении (которую, естественно, удовлетворял священник, совершавший различные требы), но и служебной необходимостью достижения победы в бою, так как общепризнано, что исход любого сражения зависит от духа войска или, чтобы понятнее, от его готовности к самопожертвованию. Как правило, это были иеромонахи, ведь для белого духовенства длительное пребывание на борту корабля в отрыве от семьи, от прихода было очень тягостным. Вот потому и развилась традиция окормления моряков во флоте именно монашествующими.

– Я знаю, отец Вениамин, что вы как насельник Санаксарского монастыря несете послушание и окормляете моряков Беломорской ВМБ и у вас даже была какая-то интересная история с Андреевским флагом, который вы пронесли по многим святыням Афона и вернули обратно. С этим знаменем лодка ушла в поход.

– Да, была такая история. Приказом министра обороны в 2012 году я был назначен на должность заместителя командира отдельной бригады строящихся и ремонтирующихся подводных лодок, но с монастырем я связи не теряю и остаюсь насельником Санаксарского монастыря. И на праздник в день прославления праведного воина Федора приезжаю в родную обитель. Рака с мощами праведного воина Федора адмирала флота Российского по традиции покрывается Андреевским флагом. И уже несколько раз я, по благословению отца наместника, привозил с флота флаг Андреевский на замену

тому, которым покрывался адмирал. Свой оставлял освящаться на его мощах, а освященный, адмиральский забирал с собой и передавал кораблю – наиболее перспективному по масштабу предстоящих боевых задач. А на Афон мы тогда пошли группой и стали подниматься на вершину горы. А на месте, пусть небольшой, но победы что делается?

– Что?

– Флаг водружается на вершине! Ну а мы еще и молебны послужили! Благо, есть у меня такое право. А потом я этот флаг тоже передал на одну из линейных атомных подводных лодок.

– На какую?

– Кажется, «Подмосковье».

– А как вы, капитан первого ранга, проживший всю сознательную жизнь в светском обществе, пришли к жизни монашеской?

– История долгая.

– Расскажите, пожалуйста!

– В нашей семье всегда морская тема присутствовала. Море было, видимо, предопределено в моей жизни. Мой отец, Николай Лукич, был призван на флот перед войной, в 1938 году, а уволился в 1946 году – итого девять лет срочной службы. С детства помню

С замполитом на мостике

2004 г., Синодальный отдел РПЦ

всегда батю в тельнике – это и на фотокарточках запечатлелось. Зимой вместо шапки – мичманка. Для деревни, где тогда жили, – особый морской шик. Куда от этого деться! После школы в Снежинске, он тогда назывался Челябинск-70, я пошел в местный филиал МИФИ. А старший брат мой, Леонид, в это время уже учился во Владивостоке, в Тихоокеанском военно-морском училище.

– **То есть брат тоже выбрал море?**

– Да, он – капитан второго ранга в отставке. Но и у него интересная сложилась история. Была бронь от армии, а он ею не воспользовался, пошел служить срочную и, представляете, попал во флот! А уж там ему предложили пойти учиться дальше. Вот так он оказался в высшем военно-морском училище.

– **А вы в это время учились в МИФИ?**

– Да, но я уже стал сомневаться в правильности своего выбора. Однажды мне попала в руки книга Леонида Соболева «Капитальный ремонт». Там был описан разговор двух кузенов: один – офицер Русского Императорского флота, а второй – сомневающийся в выборе пути гардемарин, который интересовался, почему все же его кузен пошел во флот. И тот ему отвечает: «Знаешь, я понял, что пороха мне не изобрести, а в море все понятно: две мачты, три трубы, вахту сдал, вахту принял – все четко и ясно». И мне эта мысль стала близка – наше Снежинское предприятие занимается новейшими изобретениями, и нужно быть гением, чтобы что-то новое в этой сфере сотворить. А в море я смогу не то что сказать свое слово, но хотя бы не потонуть в повседневной рутине: море – оно, вон, какое безбрежное, в нем места всем хватит! И тогда я атаковал брата: «Хочу тоже идти по твоим стопам и быть моряком!» А он меня начал отговаривать: «Ты не смотри, что мы тут такие красивые ходим на подводной лодке. На самом деле мы тут пашем, как трактористы». Разговор был долгим, но в итоге брату пришлось обратиться к начальнику училища, получить аудиенцию и в разговоре с вице-адмиралом передать мое письмо.

– **Какой вы настойчивый, отец Вениамин. И что, вас прямою зачислили в училище?**

– Да нет, было еще интересней. Я к тому времени уже окончил два курса МИФИ – а это был бренд. А в училище в это время как раз пятьде-

сят курсантов решили отчисляться. НО! Какое искушение – в Снежинске мне довелось встретиться с выпускником Севастопольского училища: красавец-лейтенант, весь в белом и с кортиком! И он мне говорит: «Да что твой Владивосток, вот Севастополь!» Короче, поговорили мы, и поехал я в Севастополь!

– Как в Севастополе?

– А вот так. Меня там даже без экзаменов брали после аудиенции с начальником училища, оставалось только мандатную комиссию пройти.

– И вы поступили?

– Чудным образом Господь остановил – и знаете, как?

– Как?

– На этой мандатной комиссии. Захожу я, докладываю о прибытии, а на столе перед ними лежит из всех документов только одна «зачетка». И тут один из преподавателей училища, капитан первого ранга, и говорит: «Что, студент, на государственные харчи потянуло?» И так меня это зацепило, что я, не раздумывая, делаю три строевых шага к столу, где была зачетная книжка, беру ее и говорю: «Если вы здесь служите только из-за харчей, то мне не место с вами в одной структуре!» – развернулся и на вокзал. Сам сейчас удивляюсь: ни тени сомнения не испытал в правильности действий.

– И уже после этого вы поехали на Дальний Восток?

– Так точно! А уже оттуда после учебы в ТОВВМУ им. С. О. Макарова мне как старшине отличного – лучшего в училище класса предложили самому выбрать, куда идти – хоть на Черноморский (назывался «Королевский») пожалуйста! Хоть на Балтийский (БФ), но это «бывший» флот, и я выбрал Северный, потому что аббревиатура СФ расшифровывалась как «современный флот» и колыбель атомного флота. И попал в гарнизон, куда пришла самая первая атомная подводная лодка К-3 «Ленинский комсомол».

– А какой из походов вам больше запомнился?

– В 1983-м мы в Саргассовом море недалеко от Кубы, в Бермудском треугольнике, отрубили винтом американскую акустическую антенну системы ТАКТАСС, новейшей для слежения за нашими подлодками, шумихи много

наделали, но антенна как разведанные технического характера была самолетом доставлена в Москву.

– Да, это называется «Джеймс Бонд отдыхает»!

– Я бы лучше сказал, что это были будни «Холодной войны на море». Неприятные ситуации, конечно, бывали, но до катастрофических моментов не доходило. Подводные лодки проекта 671 РТМ (американцы еще за красивые обводы назвали этот проект «Черный принц»), на которых мне довелось служить, показали себя как одни из самых надежных. На них не было аварий, связанных с гибелью личного состава.

– Отец Вениамин, а как вы к Богу пришли? Ведь вы, наверняка, были такими партийным командиром?!

– Первый сигнал был в 1989 году. Вы правы, я был убежденным членом партии. В ту пору все выписывали толстенные литературные журналы: «Звезда», «Современник», «Нева». В одном из них начали публиковать роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». И в этой книге идет такая параллель: с одной стороны – Гулаг, с другой – фашистский террор. И вот эта параллель сталинизма и нацизма стала серьезным историческим открытием. И в это же время прошла публикация в «Огоньке»: там процитировали Ленина – его слова о том, что мы должны сейчас как можно больше уничтожить попов. Я воспринял эту жестокость очень близко к сердцу, хотя к попам-то еще отношения не имел! Но был настырный: пошел, нашел, вычитал. И вот тогда у меня появились первые большие сомнения: «Тем ли путем мы идем, товарищи?» Потом уже я понял, что заповеди социализма – сплошной плагиат Евангелия – социалистическое «человек человеку друг, товарищ и брат» из евангельского «возлюби ближнего, как самого себя...»

– Да, зерно было брошено. А дальше?

– А дальше был 1991 год, когда произошли известные события. И я приказал замполиту зачитать мое заявление о выходе из партии перед строем личного состава моего экипажа. Я не очерняю советское государство, там было много положительных моментов: пионерские лагеря, социальная защищенность, медицина, образование, первый спутник, который через 12 лет

после войны полетел в космос... Но в 1991 году я сдал партбилет как печать антихриста.

– А таинство крещения когда приняли?

– В том же 1991 году. Осенью у меня заканчивался отпуск, оставались последние выходные, и тут жена предложила: поедем, покрестимся? И я говорю: поехали! Она опешила. Я сам с нее крест снимал, когда был старшим лейтенантом, а тут...

– А почему снимали крест?

– Для меня это было несовместимо, она – образованный человек, и вдруг крест: темный бред антипрогрессивной религиозности! Короче говоря, покрестился я и через день должен уезжать. Встал с утра, сел завтракать, как обычно. А тут жена подходит ко мне и говорит: «Забыл, где мы вчера были?» – «В церкви были». – «А что там тебе батюшка дал?» – «Да листик какой-то дал». – «А на том листике – утренние молитвы, и читать их надо до завтрака!» И я подумал: что ж, назвался груздем – полезай в кузов. И с того дня стал неукоснительно выполнять утреннее и вечернее правило, молиться каждый день. А потом начался Великий пост. А мы находились вдали от дома – лодка стояла на ремонте в городе Полярный. Котлеты не ем, рыбу не ем, молоко не пью. Кок порой специально для меня кашу сварит и, как бы втайне, маслица туда добавит, чтобы повкуснее сделать. И получалось, что вообще остаюсь без оной – ведь с маслом-то нельзя! Жареная картошка в субботу стала для меня деликатесом. Словом, когда через месяц я вернулся из Полярного, жена заплакала, увидев результаты своего подробного инструктажа по вопросу – как надо правильно поститься! Но сожалеть о своей «недальновидности» было поздно – теперь я так постился всегда.

– А к монашеству как пришли?

– Ну, не сразу! Все постепенно складывалось. Приезжал в храм в Мурманске, по пути домой в Западную Лицу, на утреннюю службу, отстаивал литургию и причащался. Приезжал прямо в форме. И однажды ко мне батюшка подходит и спрашивает: «А вы не хотите стать священником?» Я удивился и говорю: да вообще-то нет, у меня со службой все в порядке, мне еще надо третью звезду получить. А в 1997 году меня перевели в Москву. И здесь распалась моя, казалось бы, такая замечательная семья.

Личный состав после Молебна

И в тот же год я пошел в Свято-Тихоновский университет, чтобы систематизировать все, что я прочел с 1991 года. Сначала я ходил на занятия в Центре духовного образования военнослужащих. Потом мы получили корочки катехизаторов, и я продолжил учебу. В это же время служба в главном штабе ВМФ стала тягостить – это была уже другая работа – штабная рутинка. А через год, в 1998 году, я первый раз оказался в Санаксарском монастыре, где покоится Федор Ушаков. Там я познакомился со схиигуменом Иеронимом, духовником монастыря. Он меня увидел в военно-морской форме на трапезе – это я теперь понимаю, что не так много капитанов первого ранга молящихся и причащающихся, и пригласил в келью. Из сказанного в его келье на всю жизнь запомнил: «Добро ли заниматься большой приборкой на верхней палубе, когда корабль тонет»? И я понял, как важна и глубока по смыслу эта аллегория на морскую, близкую мне тему. Ведь действительно, чем мы заняты в этой суетной мирской жизни, не замечая, как тоном в океане своих не покоренных страстей! Это был святой жизни батюшка, и он, по всей видимости, молился за меня. Вскоре я решил, что буду увольняться. А он мне: послужи еще годик. И как ни пытался раньше этого реали-

зовать увольнение, но даже знакомства в Генеральном штабе ВС РФ не помогли. Что значит данное благословение: сказал, через год, через год и был подписан на меня приказ.

– Я так понимаю, что это немислимое, с мирской точки зрения, событие – увольняться в Москве: карьера, все возможности столицы, а вы уходите. В никуда.

– Ну, почему же «в никуда»? Я – к Богу на послушание перешел. Учеба в Свято-Тихоновском привела меня в Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными силами, в сектор Военно-Морского Флота, к протоиерею Димитрию Смирнову. Считаю, что и я повлиял на него в изменении отношения к высшему комсоставу, когда привел ему в пример пятерых своих командующих – Героев Советского Союза и РФ, – под чьим началом имел честь служить на протяжении всей моей службы в своем гарнизоне. Сначала он был убежден: все генералы, адмиралы занимаются исключительно личными проблемами и постройкой своих дач, используя подчиненный рядовой состав, а потом после непосредственного общения с высшим эшелонном руководства армии и флота уже заявлял, что самая здоровая часть

нашего общества – это Вооруженные силы, добавляя при этом: «Хотя бы потому, что их каждый год врачи проверяют». Я три года в синодальном отделе проработал. И вот тогда уже стал задумываться о монастыре. Вариантов было несколько: московский Новоспасский монастырь, но это опять Москва, второй – Царский монастырь под Екатеринбургом, и – Санаксарский, в Мордовии, к адмиралу Федору Федоровичу.

– И что, адмирал перетянул?

– Перетянул. Тут произошла духовная мистика: я понял, когда принял постриг, что мне предстоит возвращение на флот.

– Монахом?

– Конечно. Послушайте, мой постриг произошел в день подводника, 19 марта. Никто в монастыре не знал, что это за день такой, праздник-то наш, внутренний. И самое удивительное – постриг обычно происходит на пятой и шестой неделе, в конце Великого поста. А шла только вторая неделя. И это был единственный постриг с нарушением этой традиции за последние лет двадцать. Связываю это чудо только с милостью Божьей, с тем знаком, что пришлось мне еще послужить флоту.

– Как это случилось?

– Однажды в Санаксарском монастыре оказался мой сослуживец, контр-адмирал Сергей Германович Куров. Он был в тех местах в командировке, и ему предложили съездить к Федору Ушакову, в наш монастырь. Вот он удивился, когда увидел меня монахом! Мы не виделись лет пятнадцать, но я его узнал сразу, и он меня. Мы сели разговаривать, и от него я узнал, что на Беломорской ВМБ в г. Северодвинске открыли должность помощника командира бригады подводных лодок. «Командир готов кого-то принять, но кого – сам не представляет. Пойдешь?» – «Вообще-то у меня послушание. Но если назначат, отказываться не буду». Вот так и состоялось назначение. И из монастыря я поехал вновь в Северодвинск, но уже священником, и в этом новом качестве взошел на борт атомной подводной лодки. А вскоре нам пришлось выходить в море на ракетную стрельбу.

– А как вас встретили бывшие сослуживцы? Это ведь великая метаморфоза! Был каперанг – стал священник, да не просто, а черный монах!

– Удивлялись все. Вот приехал в отпуск на родину, там встретился с одноклассниками, и они мне подарили

раритетную «Волгу»! Вот тогда уже я удивился! Она появилась промыслительно. Этот подарок особенно пригодился, когда я отправился в Северодвинск к месту службы: в прицепе вез православную библиотеку и иконостас. Причем брошюры подбирал специально для своих моряков с учетом их семейных проблем и знакомой мне специфики их службы.

– А зачем нужно ходить с моряками в поход? Ну, казалось бы, подготовили их на берегу, исповеди, причастили, отправили. Потом – помолились о них на берегу, встретили... И все!

– Нет, на земле очень сложно найти время для пастырского общения – не задерживать же ребят после службы, не отрывать же их от семьи и детей? И Господь меня вразумил: море – это то место, где ты 24 часа можешь находиться вместе с ними. Конечно, вы правы, море – это тяжелая работа, вахты, тревоги в любое время суток, но потому я и должен быть рядом, там, где трудно. А беседы со священником облегчают бытовые будни, например, бодрят ребят на вахте, помимо духовного смысла бесед, священник вносит элемент разнообразия, от сонливости спасает, в конце-то концов! Не говоря о том, что в тишине, без лишней суеты можно проговорить все,

что на душе лежит, о чем сердце кричит, в чем разум сомневается. Ведь задача военного духовенства – не столько окормление, сколько – миссионерство, катехизаторство. Открытие всей глубины православия, всей важности того, чтобы в войсках быть человеком, укрепленным христианской православной верой. Очень важен простой бытовой разговор, оценка политических событий, семейных дел – именно под христианским углом.

– В одном из интервью вы сказали, что воинство должно быть верующим. Это – ваша позиция?

– Это не я так считаю, наш великий полководец Суворов говорил своим солдатам: «С неверующим личным составом идти в бой – равно самоубийству! Неверующего воина учить – все равно что ржавое железо точить».

– Значит, даже в наше высокотехническое время дух первичен?

– Конечно! Две трети успеха любого сражения зависят от духа воинства. Тут нельзя выехать на одной технической оснащенности и на исправности оружия. Хотя и техника духу подчиняется. Я считаю, что надежность работы самой современной

техники на военном корабле зависит от духовного состояния экипажа. Вообще техника вразумляет и помогает трезвиться. Важно, чтобы это дошло до наших воинов. Командир нагрешил, натворил невесть что, и у него все торпеды – в цель? Нет. Господь все зрит. Если род занятий человека связан с техникой, значит, Господь его через это и вразумляет. Кто из неверующих сможет «положить жизнь свою за други своя»? А если этого нет, то как с ним в разведку идти? Как на дно моря погружаться? Ведь у подводника каждый поход, как разведка – все от милости Божьей да от близости локтя товарища зависит.

– Отец Вениамин, а сколько выходов в море у вас уже было в качестве священника?

– Не считал. На каждой ПЛ, что вышли из постройки или ремонта. Еще и на надводных наших кораблях, и на «Адмирале Горшкове», и на «Маршале Устинове», но это как бы факультативно, хотя и там, и там результативно – по несколько крещений в забортной воде Белого моря. Эта обязанность военного священника прописана в положении о военном духовенстве Министерства обороны: участие в учениях, в морских, береговых и полевых выходах.

– Вы всегда идете в поход с новой лодкой?

– Что вы, здесь специфика своя. У нас, в Северодвинске, в походы не ходят. Мы – бригады испытателей и испытываем подводные лодки после постройки или после ремонта. Но испытания проходят в таких экстремальных режимах, что я каждый раз профессионально удивляюсь. Я, например, в свою бытность на боевом корабле никогда бы не позволил такое «ухарство»: дают «самый полный ход» и носятся с «30 узлами» под водой. А море мелкое – сто метров под килем и сто метров над тобой. Чуть заклинило – и ты уже «метростроевец», только на глубине.

– Отче, сколько времени вы проводите под водой с экипажем?

– Выходим на неделю, ну на две-три максимум.

– А есть необходимость ходить священнику в поход на долгие сроки с командой?

– Думаю, что нет. Это как тренер: подготовил и выпустил на ринг. Тем более что экипажи не многочисленные: человек сто всего, было бы триста-пятьсот – другое дело!

– Отец Вениамин, вы приняли священный сан уже в определенном возрасте, когда учиться новому очень сложно. А служба церковная требует огромного количества заученных текстов священного писания и молитв. Как вы справились с этой задачей?

– Да вот так и справился – «на троечку».

– Нет, не может капитан первого ранга «на троечку»!

– В институте нас учили пользоваться литературой, поэтому я выхожу из положения за счет организации труда. У меня весь служебник в разноцветных закладочках, поэтому я – раз – и открыл его на нужном месте!

– То есть алгоритм действий отработан?

– По-военно-морскому – четко!

– А есть ли на подводной лодке храм? Часовня или походная церковь?

– Специальных помещений нет. Молимся на ракетной палубе и в кают-компаниях. Кают-компания – это не только место, отведенное для еды. Здесь команда собирается по торжественным случаям. Даже форма одежды в кают-компаниях всегда поддерживается соответствующая – приходят в кремовых рубашках, а не в повседневной синей форме «РБ» – радиационная безопасность. Но, например, в кают-компаниях подводной лодки «Дмитрий Донской» есть святой уголок с подарками из музея на Куликовом поле: иконой Божией Матери, оружием воинов, щитами, которые участвовали в Куликовской битве.

– Просто настоящий музей! А какие иконы вы берете с собой в плавание?

– Иконы Спасителя и Божией Матери, святого праведного воина Федора Ушакова, которую я привез из Санаксарского монастыря. По благословию наместника Соловецкого монастыря архимандрита Порфирия мне были даны частицы мощей святых Зосимы и Савватия Соловецких. Вот вместе с этими святыми мы и отправляемся в море на испытания.

– Литургию вы служите на подлодке?

– Нет, конечно, все литургии – на земле, а вот молебны – пожалуйста. Есть такой фонд «Амофор», который на безвозмездной основе передает на подлодки походные иконостасы: легкие, переносные, шитые золотом. Развернул в кают-компаниях, провел молебен, собрал, и можно опять накрывать столы на обед.

– Есть ли у вас свой распорядок дня на подлодке?

– Каждые четыре часа я прихожу на развод боевой смены, здесь ставят задачи личному составу. Если развод приходился на церковные праздники или дни святых – рассказываю, кому можно возносить молитвы сегодня, поздравляю именинников, рассказываю, чем прославился тот или иной святой. С собой в поход я беру святоотеческую литературу, которую привез на автомобиле «Волга», и зачитываю отрывки по внутренней корабельной связи. Ночью обязательно прохожу по кораблю, разговариваю с вахтенными. И, как правило, мое появление встречается радостно. Я понял: формирование прихода здесь возможно только тогда, когда я как священник буду регулярно выходить в море вместе с экипажами. Тогда можно определить, кто из моряков более расположен к духовному общению, духовной жизни, и в дальнейшем на них опираться.

– В чем ценность и особенность вашей морской паствы?

– В том, что они уже воины по определению, осталось «подкорректировать» мировоззренческую позицию. Ведь каждая душа по природе христианка, но это требуется раскрыть. Вера происходит от слышанья. А где моряки могут услышать Слово Божие? На берегу распорядок дня у них очень напряженный. Думаю, что какие-то ежедневные минуты в море вполне можно выкроить и обеспечить морякам то слышанье, от которого укрепляется вера. Ведь без нее что ни прыжок – то мимо стремени. Наверное, обстоятельства должны сложиться так, чтобы человек вспомнил, куда ему следует стремиться и к кому обращаться. Ну, может, потому и говорят: кто в море не ходил, тот не молился.

– В Интернете много сообщений о вас в 2013 – 2014 годах, и потом два года тишина. Почему?

– За 2015 – 2016 годы ни одной ПЛА не спустили на воду – строят.

– Что было в вашей жизни значительного за последние два года?

– Мы с экипажами регулярно проводим совместный молебен. Я предложил структурирование нашего Института военного духовенства именно в рамках Военно-Морского Флота. Пока у нас эта структура не создана. У нас назначены только священники бригадного звена – помощники командиров бригад в работе с верующими военнослужащими. А дальше – кому подчиняется вся иерархия, вплоть до главного управления по воспитательной работе в Вооруженных силах, – иерархически структура не решена. Обсуждал эту проблему с главнокомандующим адмиралом Чирковым. Вот совсем недавно, на подлодке «Юрий Долгорукий», была передача Богородичной иконы, командир с благоговением принял ее.

– А что за икона?

– Похоже на икону «Благодатное небо», только тут под Богородицей – море.

– Благодатное море получилось!

– Точно!

– Что для вас как священника и человека военного означает «победа»?

– Победа даруется благочестивому воину – это основная мысль Александра Васильевича Суворова в его «Науке побеждать». Господь может попустить победу, но дарует тому, кто ее заслуживает. Гитлеровские войска победоносно шли какое-то время, попускалось перед нашей победой, чтобы цена победы была всем ощутима – победить непобедимого! И с Наполеоном так было! Но всегда русский воин исповедовался перед сражением, причащался Христовых Святых Тайн, надевал белую рубаху и шел в бой, не боясь смерти – он был к ней готов! Чего тебе бояться? Ты прощенный и чистый идешь, какой враг страшен тебе? А когда готов и страха нет, то и победа приходит!

Галина БАРЫШНИКОВА

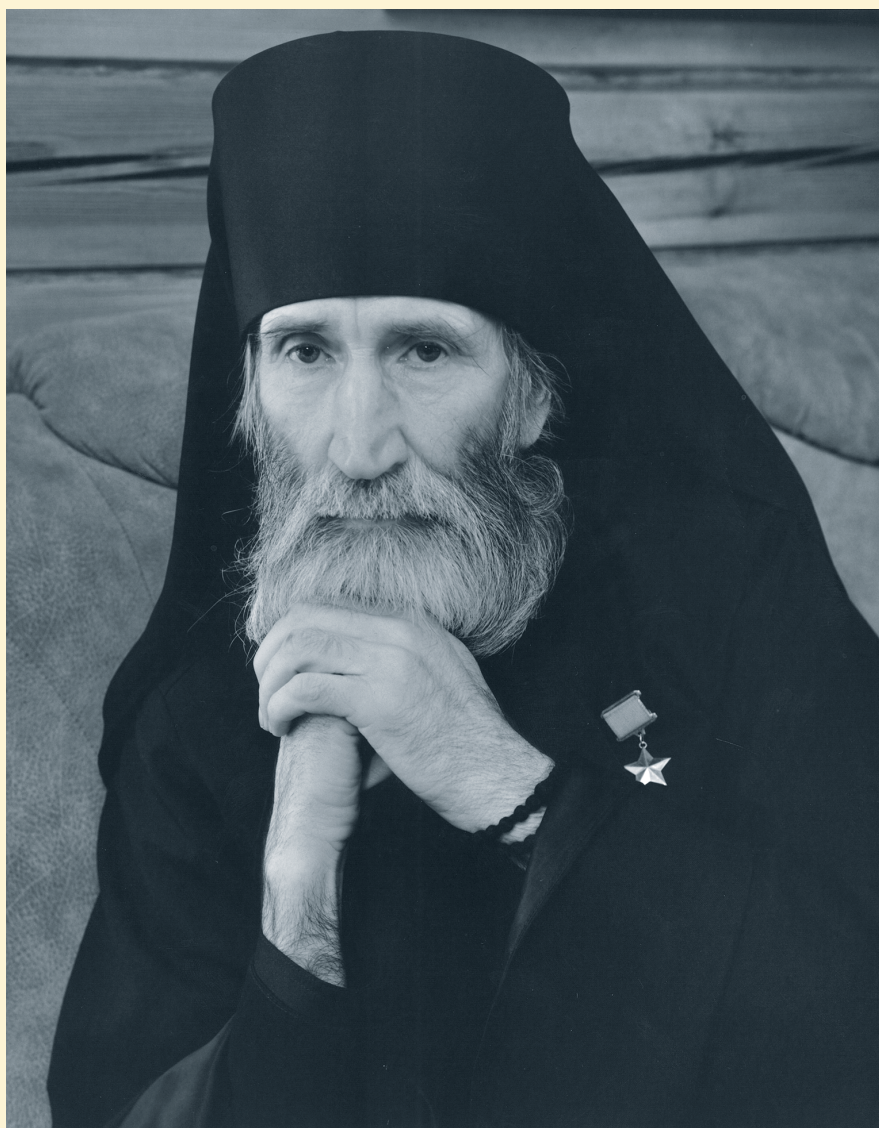
Фото из архива Архангельского епархиального управления

С арх. Анатолием на фоне вертолетоносца «ОУШЕН»

Ни от чего не отказывайся, кроме греха, и ни на что не напрашивайся

Полковник запаса Валерий Анатольевич Бурков – один из последних советских офицеров, получивших звание Героя Советского Союза. «Маресьев» нашего времени, он потерял в Афганистане обе ноги и – вернулся в армию. Был советником Президента РФ, депутатом Курганской областной Думы, президентом фонда «Герои Отечества». А в 2016 году принял постриг с именем Киприан. И сейчас его послушание – нести проповедь людям всеми возможными путями, включая СМИ.

жду встречу. Пока хозяина нет, осматриваюсь по сторонам. В маленькой келье горят лампадки, на стене дипломы. Читаю один из них: лауреат народной премии «Светлое прошлое», от земляков. На гвозде висит ряса со звездой Героя.

– А, это, так... – услышался тихий и ясный голос хозяина.

Я обернулся – на пороге своего жилища стоял высокий монах.

– **Здравствуйте, отец Киприан.**

– Здравствуйте. Так какой вы, говорите, журнал представляете?

– «Служба и служение». **Вот, посмотрите, – протянул я пачку журналов.**

– А! Как хорошо! Замечательное название. У меня, можно сказать, вся сознательная жизнь – служба и служение. Кстати, вы знаете, еще до нашей встречи одна мысль мне передавалась различными людьми, как ни странно, не военными: художником Александром Шиловым и одним батюшкой, который летает на самолете, такой подвижник...

– Батюшка имеет свой самолет?

– Ну да. Так вот, идея в том, что хорошо бы тем, кто ранее служил в армии, хотя бы друг о друге знать: кто где сейчас служит. Поэтому ваш журнал может хорошо в этом помочь. Надо бы такой список составить: монахов и белого священства.

– Получится целое братство.

– Конечно, это может стать братством. Формальные вещи – это не обязательно, но друг о друге знать, иметь контакты, всегда иметь возможность друг с другом связаться, посоветоваться, поделиться опытом – это хорошо.

– Вот как раз для этого контакта, скажите нам, отец Киприан, когда и где вы родились и что с вами случилось в жизни.

– Родился я 26 апреля 1957 года в городе Шадринск Курганской области, в семье военнослужащего.

– Сколько было в семье детей?

– Двое. Я и сестренка Наташа.

– А разница между вами большая?

– Три года. Я – старший брат.

– Старший брат – это целая психология.

– Совершенно верно.

– А какое вы училище окончили?

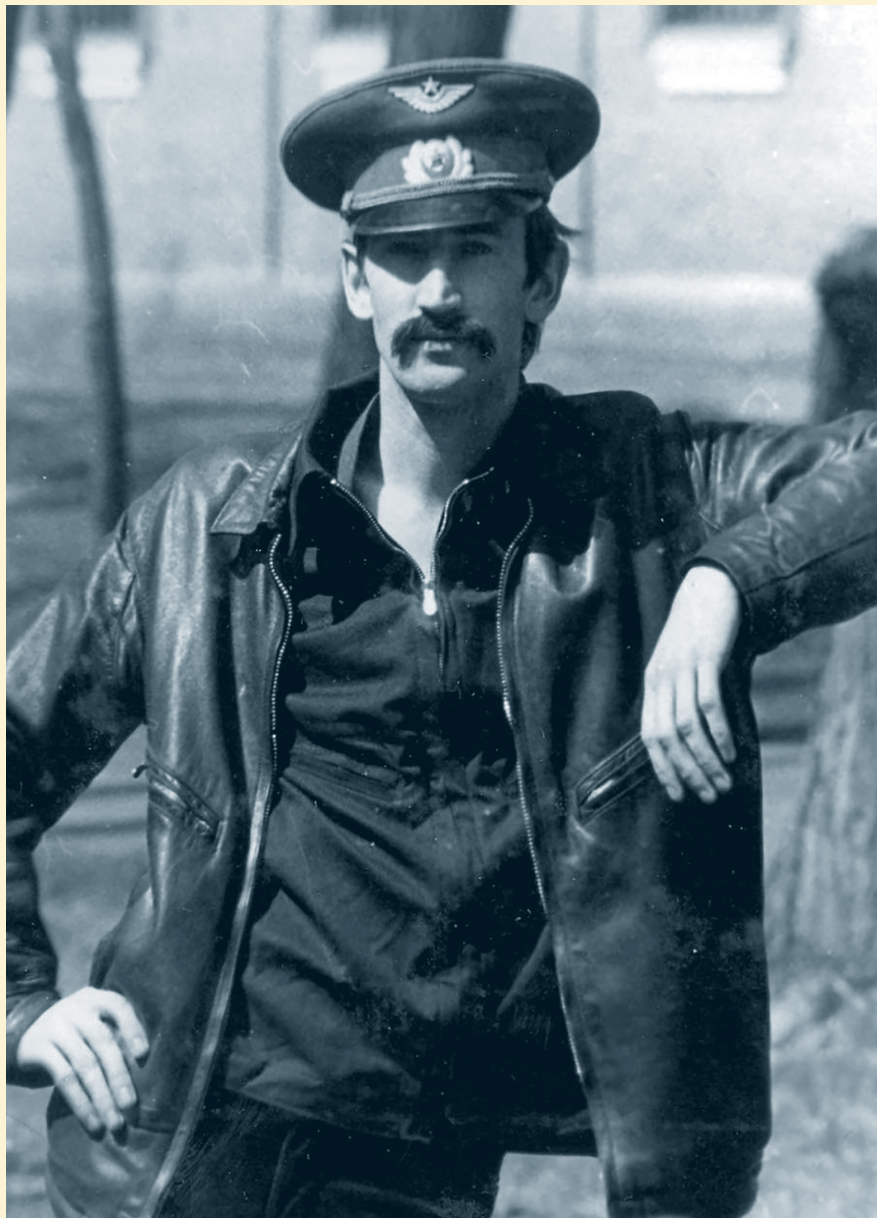
– Челябинское высшее военное авиационное Краснознаменное училище штурманов. Хорошее училище, единственное сейчас такое в стране.

– Я понял из прессы, что ваш папа тоже был военным.

– Да. Я оканчивал то же училище, что и отец, который погиб в Афганистане.

– Вы тогда еще учились?

– Нет, я уже проходил службу в Приморском крае, Уссурийском районе, с. Воздвиженка. Дальняя авиация, самолеты Ту-16. Хороший полк, прекрасное место, замечательные полеты. Там все время вдоль наших восточных берегов ходили американские авианосцы «Мидуэй» и «Энтерпрайз». Как только они к нам приближались, мы сразу вылетали и – на разведку. Фотографировали их, постоянно в небе встречались с американскими пилотами, которые нам заслоняли объективы. Помню, однажды наш командир опустил на десять метров над уровнем моря, а потом резко, на предельном угле атаки, ушел вверх перед самым носом американского корабля. И летчики американские не смогли нам помешать фотографировать.

Принятие присяги

1984 г., республика Афганистан

– И вот, когда пришло известие, что ваш отец погиб, сгорел в вертолете, вы попросились в Афган и вас туда направили?

– Афганистан был позже, через год после гибели отца. Там я был авиационным наводчиком, потом начальником группы боевого управления авиацией. Ходил с пехотой в горы, в «зеленку». В ходе боев наводил авиацию на позиции душманов. В одной из наземных операций подорвался на mine. Получил тяжелое ранение в ноги, с отрывом голеней почти до колен, и ранение плеча с повреждением симпатической нервной системы и тромбозом артерии. В результате госпиталь, три клинические смерти в ходе хирургической операции, черный тоннель, свет в конце него и возвращение с того света. Врачам чудом удалось сохранить руку и коленку на левой ноге. По медицинским законам

ногу надо было резать на десять сантиметров выше места повреждения, а значит, выше колена. Но врач, Владимир Кузьмич Николенко, рискнул, нарушил закон и спас мне колено. И рука из-за тромбоза с момента ранения уже не работала, была холодная – кровь в нее не поступала, ее надо было ампутировать. Но он и здесь справился, запустил кровообращение и сохранил мне руку. И вообще, с тем состоянием, с которым меня доставили в госпиталь, по всем законам медицинской науки я выжить был не должен – так говорили врачи. Но, как видите, до сих пор живу. Но если бы я остался без руки и колена, то вряд ли меня оставили бы в армии. А так служил после ранения еще 13 лет. Низкий поклон всем, кто боролся за мою жизнь, спас меня от смерти и дал мне возможность еще полетать. Но особенная слава – Богу! За ВСЕ!

– Я знаю, что вы не просто в строй вернулись – вы даже с парашютом прыгали. Что для вас война?

– Война – это всегда людские трагедии. Это плач матерей, сиротство детей. Это увечья, личные и семейные драмы. Но это и мужество, жертвенность и ЛЮБОВЬ. «Ибо нет больше той любви, чем жизнь отдать за други своя». Чаще всего именно на войне проявляются высшие, глубинные сокровища сердца человеческого, тайны его духа и образа в нас Божьего. Или иного духа... На войне мы познаем себя и не по возрасту взрослеем... Укрепляемся или ломаемся. На войне мы в каждом бою умираем или возрождаемся и с каждым своим шагом обретаем жизнь или смерть, благословение или проклятие. Я через это прошел. Слава Богу!

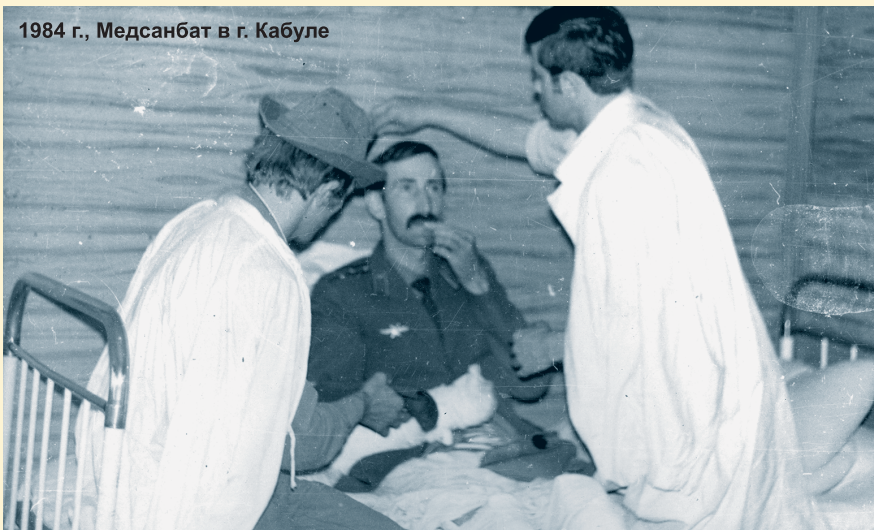
– А после ранения вы хотели вернуться обратно в Афганистан?

– Да, хотел. Потому что уже имел боевой опыт, и важно было передавать его другим. Более того, в Афганистане незадолго до ранения на военном совете ВВС 40-й армии были обсуждены и приняты мои предложения по новой организации боевого управления авиацией в ходе поддержки наземных войск. И их надо было внедрять в боевую практику. Но более всего, конечно, я хотел вернуться в ту жизнь, которой жил в Афганистане, в НАСТОЯЩУЮ жизнь, в которой был истинный смысл, и было понятно, для чего стоит жить и ради чего можно умереть. Но Главнокомандующий ВВС, трижды Герой Советского Союза маршал Александр Николаевич Ефимов, решил иначе – направил меня в Военно-воздушную академию имени Юрия Гагарина, с тем, чтобы я все свои предложения мог реализовать в документах для последующего их внедрения в войска. Что и было потом мною сделано.

– А у вас не возникало желания отомстить, за отца, например?

– Слава Богу – не возникало. И вообще я вам скажу: ни разу в жизни у меня не возникало желания отомстить за то, что мне кто-то что-то сделал нехорошего. Но это не моя заслуга. Наверное, благодаря воспитанию. Отец говорил: «Родине отдай все. Сам погибай, товарища выручай». Все фильмы, все книги, которые я перечитал в детстве – все об этом. И этот вот дух русского воинства, дух милосердия – это у нас в генах, это невозможно истребить. И этому учил меня отец. И Господь учит: «Не мстите за себя, возлюбленные... Оставьте мне, я воздам».

1984 г., Медсанбат в г. Кабуле

– А вы поехали в Афганистан уже верующим чело веком?

– Да какое там.

– А вы помните ту отправную точку, когда вы решили стать воином Христовым?

– Конечно, это было в 2010 году, на Пасху. В ту праздничную ночь, перед тем как поехать в храм, я принял решение, что сегодня моя исповедь пред Богом и соединение с Ним в причастии будет для меня своего рода присягой на верность Господу. Я надел костюм со звездой Героя и отправился в путь. В очереди на исповедь я увидел, как некоторые прихожане перед тем, как подойти к аналою с Крестом и Евангелием, поворачиваются к стоящим в церкви, кланяются им и просят у них прощения. Для меня это было чем-то необычным и непонятным: зачем они это делают? Разве они виноваты в чем-то, например, предо мною? Пока я стоял, пытался осмыслить это. И, наконец, до меня дошло, что даже самый малый грех, соделанный кем-либо пусть в адрес только одного человека, пусть даже и невольно, умножает зло в мире, а значит, делает этот мир хуже для всех. Значит, и я перед всеми живущими на земле виноват! Так что ж, Бурков, хватит ли у тебя, бывшего советника президента России, депутата, бизнесмена, в общем, как говорят, большого и уважаемого человека, со звездой Героя на груди, хватит ли у тебя духа поклониться всем этим простым людям, стоящим здесь в храме Божиим, и попросить у них прощения за все то зло, которое ты в жизни своей совершил? И это было трудно. Но слава Богу за все!

– Это когда вы принесли на исповедь кучу исписанных листков?

– Нет, то была моя первая исповедь, как раз в чистый четверг. Я пришел к отцу Пантелеиму (Роману Гудину) с семью печатными листами. Отчет о проделанных грехах был шикарный! Я подошел к этому делу как военный человек, как аналитик – все построчно, плюсики, минусы, где надо, словом, все, как положено! И в конце исповеди я сказал: «Вот вы знаете, батюшка, все нашел у себя, но вот то, что касается гордыни, как-то в себе не нашел!» Игумен посмотрел на меня ласково и сказал, улыбаясь: «Ничего, ничего! Господь еще откроет». На следующий день утром я причастился, потом зашел в церковную лавку. И прямо с порога вижу на полке книгу «Господи, помоги изжить гордыню».

Я ее купил и весь день над собой ухахатывался: вот слона-то я и не заметил! Такой была моя первая исповедь.

– Трудно на первых порах было?

– В начале пути ко Христу всегда трудно. Бесы сильно ополчаются, если ты, конечно, по-настоящему решил с ними порвать. Ты им: «Отрекаюсь от тебя, сатана, от гордыни твоей и служения тебе...» А они тебе: «Куда это ты собрался? Не пустим! Ты наш! Мы жили и дальше будем жить в тебе! Ты наш дом, а не Духа Святого! Нечего тебе делать в храме Божиим!» Встают на пути со всей яростью, действуют в тебе так, что тебя в храме ломает, гнетет, давит. Ноги горят, стоять тяжело. Болит то в одном, то в другом месте. Жилы из тебя во всю силу тянут, проклятые. Потому все время хочется уйти. Я помню, вышел из храма, мне и так плохо, а тут еще ударили в колокола. Меня как будто чугунным обухом по голове вдарило, чуть не выругался. В общем, тяжело было вначале. А люди иной раз даже в обморок падают, впервые придя на исповедь. Вот как враг ополчается. Но все это надо перетерпеть. И тогда... Перезвон колоколов – ангелов пение, сердца веселие, души упоение! И храм Божий – дом родной, ты о нем скучаешь, тебя в него тянет, и ты уже не можешь жить без причастия Божия. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

– А люди очень часто говорят, что нет никаких бесов.

– Люди бесов не знают только потому, что те себя не проявляют. А зачем им обнаруживать себя, если человек и так живет вне Христа, а значит, находится в их власти? Бесы отдыхают. Вступите на путь Христов, только по-настоящему, а не формально, и вы сразу с ними познакомитесь и вступите

с ними в брань. Но еще больше вы узнаете, как благ Господь! Потому что Он будет защищать вас, укреплять, давать знание и силу, радость и полноту жизни. Если Бог за тебя, кто против тебя? Не даст Отец Небесный свое любимое дитя на поругание гадам. И так вот укрепляется вера наша, через познание и практику духовной жизни. И мы уже не веруем, но знаем. Слава Тебе, Господи, слава Тебе!

– Вы скучаете по небу?

– Небо это как сладкая сказка, особенно Горнее: «Очи не видели, ухо не слышало и на сердце не приходило, что Бог уготовал любящим Его». Но это не сказка. Каждый христианин это знает. А земное небо – оно со мной до сего дня. Я и сейчас иногда летаю на паралёте, работая с молодежью для того, чтобы оторвать их от дурного. Даже специальную авиационную школу окончил для этого и купил паралёт. Но все же это уже в прошлом, до монашества было. Теперь мой путь – в Небо Горнее. Но пусть все будет, как Богу угодно, а не как я хочу.

– А с вами можно полетать?

– Отчего же. Вот будет лето – пожалуйста.

– Отец Киприан, вы были советником президента РФ, депутатом, выдвигались на губернаторскую должность своего края, но вдруг резко вышли из всех социальных организаций и – пропали. Пресса не могла до вас достучаться. Что было с вами в тот период «молчания» – с 2009-го по 2016 год?

– Эти семь лет я жил совершенно иной жизнью, чем когда-либо раньше. Я уехал к себе на дачу в Подмоскovie и уединился там, отказавшись от участия во всякой общественно-политиче-

Покос газона на даче

ской деятельности и выезжая в Москву только по крайней необходимости. После полнейшего разочарования в перспективах своей социальной деятельности, с одной стороны, и встречи с неведомым Богом – с другой, мне было необходимо переосмыслить всю мою жизнь и начать познавать Бога, которого я не знал. Еще раз ответить себе на вопросы: для чего мне дана жизнь? В чем ее смысл и цель? К чему в этой жизни я должен прийти? Ко гробу и все? В чем должен быть результат моей жизни? В каких достижениях выражен? В книге обо мне? Или в пластинке моих песен? Или в портрете моем, написанном большим художником? Да кому это надо? Кому ты нужен, Бурков, со всеми твоими делами и качествами, пусть даже где-то и хорошими? И семилетняя практика показала – почти никому не нужен. Кто о тебе вспомнил? Кроме мамы и нескольких самых близких людей, никто. Кроме журналистов. Но им-то ты просто по работе пока нужен. А пройдет несколько лет после твоей смерти, о тебе никто и не вспомнит. Ты же не Эйнштейн (слава Богу). Так и зачем же я живу и чего достиг на сегодняшний день и в чем моя перспектива? После Афганистана и до 2009 года мне некогда было задумываться над этими вопросами – суета сует. Я верил в светлое будущее, был оптимистом, думал, что социальной заботой о человеке его можно осчастливить. Нет! ЭТО УТОПИЯ!!! И слава Богу, что через разочарование, зайдя в тупик и не видя никакой перспективы в дальнейшей своей социальной деятельности, я это осознал. И начал по-

знавать Бога, который столько лет моей жизни кротко стоял у двери моего сердца и потихоньку стучал в нее. А я не открывал ее. МНЕ БЫЛО НЕКОГДА! А результат? Пустота и одиночество. Хотя внешне имел все, о чем может мечтать стремящийся к комфорту человек. Только СЧАСТЬЯ и РАДОСТИ не было.

– А теперь?

– Теперь другое дело. Теперь нет пустоты, нет одиночества. Теперь есть ЛЮБОВЬ. А вместе с ней мир – сердце успокоилось, обретя то, что искало всю свою жизнь. Вместе с любовью пришли полнота и радость жизни. Теперь я счастлив. Но счастья много не бывает. И единственное, что я хочу еще и что монаху позволительно хотеть – это стать еще счастливее. А это возможно только при еще большем воссоединении человека с Богом, его дружбе с Ним. Для того я принял постриг. Во мне еще совсем мало любви.

– Неужели раньше вы никого не любили?

– Нет, не любил. То, что мы, люди, называем любовью, совсем не любовь. В лучшем случае это чувственно-эмоциональная влюбленность, причем временная, поскольку любые чувства изменчивы и недолговечны. Потому и говорят в народе «от любви до ненависти один шаг». И тогда худший вариант, как в песне: «Любовь – это мука. Любовь – это боль...» (Господи, помилуй, спаси и сохрани от такой любви.). А ведь истинная любовь – это радость, и «любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...»

– А семья? Жена, дом, ребенок, семейное счастье? Ведь у вас есть сын, я знаю.

– Семья – это малая церковь. Это триединство трех лиц: мужского, женского и детского в одном целом по подобию как в Боге Троицы три лица. Где муж – глава семьи и добрый пастырь. Жена – помощница мужу. А дети – плод любви и радость! Где все единокровны, живут душа в душу и понимают друг друга с полуслова. Где все счастливы, невзирая ни на какие житейские бури. Ведь счастье внутри вас есть. Но такое возможно только тогда, когда все члены семьи живут во Христе. Ну, а если этого нет, если дом построен на песке, а не на камне, который есть Христос, тогда разделится этот дом и упадет, и все будут несчастны, особенно дети. Я был слепец. И не знал Христа. А если слепой поведет слепого, не оба ли упадут в яму?

– Вы не воцерковили свою семью?

– Нет. Но я знаю точно, что если я буду стараться жить по воле Божьей и молиться Господу, так как только Он один может все исправить – то я смогу вымолить и сына своего, и весь свой род. Ибо не только молитва матери со дна ада достанет. А вот мама моя по-настоящему верующий человек. Прихожанка. Остальные в родне или просто крещенные или «захожане». А есть и некрещенные. И я таким был много лет. Но ведь Бог меня вытащил из пропасти погибельной. Потому я доверяю Ему и вверяю Господу всех ближних моих. Ведь Он Отец наш. Отец всех людей. Верующих и язычников. Он не желает смерти грешника и вернет с гибельного пути дорогих нашему сердцу людей, если мы только будем молиться за них и стараться жить жертвенно, как Христос.

– Отец Киприан, но ведь вы же хорошими делами занимались, людям с ограниченными возможностями помогали.

– Что такое хорошее дело? Ну, вот что это? Ели бы люди могли стать счастливыми хорошими делами или будучи просто хорошими людьми. Но сколько этих просто хороших людей, делающих добрые дела, несчастны? Все без исключения мои друзья по военному училищу, по обычному человеческому понятию, очень хорошие люди, старающиеся делать только добрые дела. Но кто из них живет в радости и счастье? Да, я действительно помогал людям с ограниченными возможностями

ми, даже есть дела крупного масштаба, которыми по-человечески можно гордиться. И что? Я стал счастливым человеком? Наоборот – выгорел дотла, полностью, без остатка. А почему? Да потому что просто «социалка» никому счастья не приносит, ни тому, кто ею занимается, ни тому, ради кого она делается. Ну, например, получил человек новую, современную, очень удобную коляску (был с моим товарищем такой случай), обрадовался, стал на ней рассекать по квартире, пируэты выписывать. А через несколько дней запил, жить не захотел, потому что жена ушла. И что? Принесла коляска в его дом счастье? Нет. А ведь как он о ней мечтал. Вот потому, когда видишь, что ты стараешься, решаешь житейские, социально-бытовые, материальные проблемы человека, хочешь привести в его дом хоть чуточку счастья, а он при всей видимой радости от их решения остается несчастным, то руки опускаются. А часто бывает еще хуже – тебе еще и злые слова скажут за твои, так сказать, добрые дела. Не зря в народе говорят: «Не делай добра, не получишь зла». Все это я на себе испытал. Слава Богу! И так все потому, что вопрос о счастье не лежит в сфере материальной. Это вопрос из духовной области.

– Но подождите, отец Киприан, вот поставили пандусы для колясочников, это же хорошо?

– Хорошо. Но скажите, сами люди то счастливее от этого станут? Что это им дает?

– Возможность чувствовать себя не изолированным, видеть мир...

– Так, тогда вопрос к вам: монах-отшельник существует изолированно. Он несчастный? Наоборот – наисчастливейший!

– Ну, у него душа везде гуляет, она с Богом.

– Нет, не везде, только с Богом. Везде – это как раз по киношкам, театрам и другим развлекашкам, которые мы им через этот пандус предоставляем и от которых человеку никакой пользы. Я по всем этим развлекашкам походил – и что? Как продюсер и режиссер устраивал театрализованные представления. На День города, на День Победы на Поклонной горе, на Тверской, у Большого театра на Театральной – на самых крупных площадках страны выступал. И что? Поначалу была радость: «И здесь у меня получилось! Молодец, Бурков!» Ну, раз, ну, два, а на третий – как-то и неинтересно уже – радости нет. Потому

что все земное – не пища для души. Понимаете, через все эти развлечения мы ищем, чем бы насытить свою душу, удовлетворить ее потребности. Но душа так и не удовлетворяется, не находит покоя. И мы вновь ищем для нее пищу, как слепые котятя, не понимая, где истинное сокровище для души. На земле его нет. И начинаются эти поиски с юности: вот я выйду замуж за принца на белом коне. Он достанет мне звезды и Луну, будет меня на руках носить, цветы дарить. А я нарожаю ему деток, и мы будем счастливы!

– И что здесь плохого?

– Да плохого – то ничего нет. Но что в итоге? Вы посмотрите статистику за прошлый год: 90 разводов из 100 в некоторых регионах. Поносил ее на руках немного и бросил. Надоело такое счастье. А куда же делась любовь? И была ли она? И так все потому, что нельзя стать счастливым, будучи отпавшим от источника счастья. Нельзя обрести настоящую любовь, будучи вне источника любви. А источником таким является только тот, кто нас сотворил – Господь Бог наш. Свое человеческое быстро иссякает, как батарейка в телефоне, без подпитки от источника.

– Так что ж, не надо делать добрые дела?

– Конечно, надо. «Вера без дел мертва». Без них мы не обретем в себе любовь, не научимся любить. Но истинно добрые дела, дела любви – это только те, которые помогают человеку увидеть Истину, Путь и Жизнь, которые есть Христос, и ведут его к Богу, а не предоставляют ему жизненный комфорт. Если бы наша церковь стала

заниматься только «социалкой» – это была бы беда. А вот если социальная работа – это средство миссионерского служения, когда мы, занимаясь социальными делами, не забываем, что наша цель – привести человека в дом Христов, вот тогда это по-настоящему доброе дело, в котором мы выступаем соратниками Господа. И это единственное доброе дело. В этом и есть моя нынешняя служба Богу и людям, мое нынешнее служение Отечеству.

– А что вы конкретно делаете?

– По благословию своего духовника и священноначалия совсем недавно я возглавил центр душепопечения медико-психологической и социальной помощи «Добрый самарянин», который пока еще только формируется. Цель деятельности центра, говоря языком науки, помогать людям решать их психические и психологические проблемы, а говоря языком православия – духовные и душевные. Последние шесть лет до пострига я уже руководил Центром многопрофильной помощи лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. А попадают в такую ситуацию люди, как правило, по причине заблуждений, которыми они руководствовались в своей жизни. Также помогал людям избавиться от алкогольной и наркозависимости, игромании, других зависимостей. И я знаю точно, если у человека болит душа от каких-либо проблем и он очень хочет избавиться от страданий, которые они причиняют, то он может от них избавиться. И не только избавиться, но и стать счастливым человеком – это будет. Так случилось со мной.

С сотрудниками социального отдела

– А где находится ваш центр?

– Стационар центра находится в Подмоскowie, в Рузском районе, а амбулаторно прием проводится в Москве и в нашем архиерейском подворье г. Кара-Балта Киргизской республики, когда я там нахожусь.

– К вам в Подмоскowie можно приехать и там пожить?

– Да.

– Хорошо. Еще вопрос. Вы семь лет жили у себя на даче, фактически, как в скиту, скажите, сильно переменилась ваша жизнь после пострига?

– Мы с отцом Макарием Еременко (мой духовник и благочинный Казанского мужского архиерейского подворья города Кара-Балта Бишкекской и Кыргызстанской епархии) перед постригом долго сидели – беседовали. Я ему за всю свою жизнь исповедовался. И он сказал мне: после пострига твоя жизнь переменится. Не знаю, как, может, скорби найдут, может, что-то другое будет, но обязательно переменится. И действительно, жизнь моя в корне изменилась. Если я последние шесть лет из своего «затвора» на даче редко выходил в люди, то сейчас очень

много общаюсь с людьми. С 2009 года вплоть до пострига я отказывался от встреч со школьниками, потому что перестал понимать, что им теперь говорить. Тем более отказывался от встреч с журналистами и от участия во всякого рода публичных мероприятиях, потому что о мирском говорить уже не мог, а как говорить о Боге, не знал. Да и кто я, чтобы о Нем говорить публично.

А теперь все прямо наоборот. Встречаюсь с людьми чаще и говорю с ними более, чем когда-либо в жизни. Но, честно говоря, так хочется уединиться и помолчать, и побольше помолиться в тишине. «Мечты, мечты, где ваша сладость...»

– Да, немного странно. Приняв монашество, казалось бы, вы должны жить в монастыре. А у вас теперь публичная жизнь в Москве, с поездками по стране.

– Для меня это тоже удивительно! Но, значит, так хочет Бог. Я ведь своей инициативы нигде не проявлял. Когда собирался в Киргизию на постриг, мне отец Макарий сказал, чтобы я захватил с собой гражданский костюм со Звездой Героя. А на второй день после пострига, когда собирались поехать

в город на одну встречу, сказал: «Надевай Звезду». Я потянулся к пиджаку, а отец говорит: «Нет, на подрясник». Я был в шоке: «Зачем на подрясник?» А он: «Это проповедь». – «Какая проповедь? Проповедь чего? Кому? Как это? Я что, теперь буду ходить со Звездой на монашеской одежде, как раньше на костюме?» У меня в голове это не укладывалось. Но в ходе первой же моей поездки в Челябинск, на 80-летие родного училища, я все понял, когда не мог и шага сделать с аэродрома, на котором шло празднество, потому что у людей тоже в голове не укладывалось – как это, монах со Звездой Героя!? Это что-то необычное, непонятное. Подходят и спрашивают. А когда еще и узнают, что я был советником президента РФ, бизнесменом, депутатом, успешным человеком, то вопросам нет конца.

А для меня это повод и великая возможность проповедовать Христа распятого, Спасителя нашего. И это счастье иметь такую возможность. И огромная ответственность. Дай Бог, чтобы я говорил только то, что Богу угодно. А еще лучше, чтобы Он Сам говорил через меня.

– И что, бывает такое ощущение, что вы говорите не от себя, даже то, чего и не знали?

– Всякое бывает. Мимо души ведь ничто не проходит: ни то, что человек слышал, ни то, что видел или ощущал. Душа все запоминает и хранит в тайниках своего сердца – в памяти, говоря языком научным. Не мозг – душа хранит. Все наши телесные органы всего лишь инструмент в руках души для земной жизни. И знание внутри нас есть, а точнее сказать, со-знание внутри нас есть. И это означает, что кто-то еще, другой, Тот, которого я не вижу, не слышу и не ощущаю (до поры до времени), дает мне знание. И тогда я кричу: «Эврика! Меня осенило! Теперь я понимаю! Я прозрел!» Так ученый Дмитрий Менделеев получил знание о таблице, которая носит теперь его имя. Так певец и композитор Пол Маккартни получил знание о песне Yesterday (Вчера). Так получают через благодать священства в нужный момент своего служения необходимые знания наши пастыри. Так и мне в том служении, на которое я поставлен, помогает Господь, если я, конечно, к Нему обращаюсь с молитвой. Что Святой Дух будет говорить через людей, которых Господь ставит на служение, Сам Господь говорил апостолам. Смотрите Евангелие.

– Я прочитал в Интернете, что вы осенью побывали в разных регионах страны. Что это были за поездки?

– Поездки организовывал Роспатриотцентр при патронаже Управления Президента России по общественным проектам в преддверии Дня Героев Отечества, который отмечается у нас 9 декабря. В них участвовали Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации и Герои труда. В поездках мы встречались со школьниками, студентами и другой молодежью. Это были «Диалоги с Героями» в рамках реализации государственной программы «Патриотическое воспитание населения».

– Я знаю, что всю свою жизнь вы учите: летное училище, Военно-воздушная академия имени Ю. А. Гагарина, Военная академия Генерального штаба, богословские курсы. А вот сейчас где?

– Я на трех учебах сейчас учусь: одна – в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете на педагогическом факультете, вторая – в том же университете на миссионерском факультете, а третья – в Российском православном университете на факультете психологии.

– А для чего это надо в 60 лет?

– Возраст не важен, чтобы хорошо служить, со знанием дела, на которое поставлен. При работе с людьми просто необходимо психолого-педагогическое образование, а в Киргизии, работая с братьями мусульманами, надо быть еще и миссионером, причем очень грамотным и осторожным, иначе все дело загубишь.

– Но у вас ведь есть опыт. Я читал, что вы же привели 12 мусульман ко Христу...

– Не я, Господь ведет всех к себе. Мы можем только лишь помогать людям увидеть, что истина только в Православии, понять, от чего и кого всем нам надо спасаться, поверить, что Спасителем является только Иисус Христос, что только идя путем, им указанным, можно обрести счастье здесь на земле и в вечной жизни.

– А вы готовы стать священником, если Господь позовет?

– Вы знаете, к чему я готов – я не знаю. Пусть будет, как Господу угодно. Он меня лучше знает. У меня нет на этот счет своих желаний и мечтаний. «Не мечтайте о себе» – сказано. Нет, я уже много лет не живу по своим «хотелкам» и по словам «нравится – не нравится», а живу по принципу: ни от чего не отказывайся, кроме греха, и ни на что не напрашивайся.

1991 г., ООН

– А вот скажите, насколько легче служить Господу, если ты уже служил Отечеству? Легче военному стать священником?

– Не знаю. Служить всегда непросто, особенно по послушанию. Когда ты привык сам руководить людьми, реализовывать в отношении них свою волю, то очень трудно предать себя в послушание кому-либо. К тому же раньше я не понимал, как это «да не будет во мне моей воли, да будет во мне Твоя воля». А где же тогда Я? Но когда все-таки решился жить по воле Божией, а это значит, руководствоваться в своей жизни не своим мировоззрением, не своими желаниями, мыслями и чувствами, а заповедями Божьими в их святоотеческом понимании, то на практике убедился, что нет ничего лучше, чем предать себя Богу, доверить Ему свою жизнь, свою волю и жизнь своих детей. Поэтому теперь я не строю планов на год вперед, как это было раньше, или даже на несколько дней. И не определяю себе, что я должен и к какому времени достичь. Я просто делаю то, что должен делать именно сегодня. А на завтра мне Господь Сам

определит задачи. Так вот Господь и ведет меня теперь по жизни. И слава Богу за это. Это колоссальное благо, потому что Он лучше знает, что мне и когда полезно.

– Если подвести итог вашей жизни до принятия монашества, что бы вы выделили?

– Афганистан. Он стал для меня переломным моментом, особенно мое ранение. Тогда во мне появился стержень и появился смысл жить. С того времени, можно сказать, я и стал стараться действительно служить Отечеству. И неважно, как оно называется – Советский Союз или Россия и какой в нем общественно-политический строй. Все равно оно мое, родное. Но коренным образом переменялась моя жизнь, конечно же, в 2009 году, когда Господь совершил надо мной, наконец, спустя 15 лет после крещения, таинство миропомазания. И теперь у меня другая, настоящая жизнь. А то, что было раньше, как сон. Так вот бывает. Так вот случилось со мной. Слава Богу за это, слава Богу за все!

Павел БАРЫШНИКОВ
Фото из архива П. Буркова

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ В ВОДАХ АМУРСКОГО ЗАЛИВА

В о Владивостоке православные военнослужащие Тихоокеанского флота (ТОФ) отпраздновали Крещение Господне омовением в водах Амурского залива. Крещенские купания начались в полдень 19 января. Настоятель храма святого апостола Андрея Первозванного отец Сергей совершил молебен с освящением иордани, после чего все желающие смогли окунуться в купель.

Накануне праздника моряки-тихоокеанцы вырубили прорубь во льду бухты Федорова, оборудовали ее сходным трапом и помостами. В месте крещенских купаний были развернуты палатки для переодевания, полевые бани и пункты выдачи горячего чая, проведено временное электрическое освещение, организовано дежурство водолазов управления аварийных и спасательных работ КТОФ и флотской бригады скорой помощи.

В крещенских купаниях приняли участие около 500 военнослужащих, членов их семей и гражданских служащих КТОФ.

Ильдус ГИЛЯЗУТДИНОВ
Фото автора

В Севастополе в день памяти апостола Андрея Первозванного освятили корабельные Андреевские флаги

Тринадцатого декабря, в день памяти апостола Андрея Первозванного, во Владимирском соборе – усыпальнице адмиралов прошла церемония торжественного освящения корабельных Андреевских флагов.

В праздничном молебне по освящению флагов приняли участие заместитель командующего ЧФ по работе с личным составом контр-адмирал Юрий Ореховский, митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, благочинный Севастопольского округа протоиерей Сергей, старейшина Законодательного собрания Севастополя консультант командующего ЧФ по работе с ветеранскими организациями контр-адмирал в отставке Александр Ковшарь, помощник командующего ЧФ по работе с верующими военнослужащими Александр Бондаренко, настоятель Владимирского собора – усыпальницы адмиралов протоиерей Алексей, священнослужители города и флота, представители командования соединений и экипажей кораблей всех корабельных частей Черноморского флота, а также Черноморского высшего военно-морского училища имени П. С. Нахимова.

– В России память святого Андрея Первозванного всегда почиталась весьма торжественно, – говорит контр-адмирал Юрий Ореховский, – Еще Петр I учредил в честь апостола первую и высшую награду России – императорский орден святого апостола Андрея Первозванного, который давался в награду сановникам государства. И также с петровских времен Андреевский флаг стал официальным стягом российского флота, и под его сенью русские моряки одержали множество славных побед.

Святой апостол Андрей Первозванный был родом из Вифсаиды Галилейской. Жил он впоследствии в Капернауме, на берегу Геннисаретского озера вместе с братом Симоном, занимаясь рыбной ловлей. С юных лет апостол Андрей отличался молитвенной устремленностью к Богу. Он не вступил в брак, а стал учеником святого пророка Иоанна Крестителя, возвестившего о Боговоплощении. Когда святой Иоанн Креститель указал на Иордане святым апостолам Андрею и Иоанну Богослову на Иисуса

Христа, называя Его Агнцем Божиим, они незамедлительно последовали за Господом. Святой апостол Андрей стал первым учеником Христа и первым исповедал Его Спасителем (Мессией), привел ко Христу своего старшего брата Симона, будущего апостола Петра.

На своем пути апостол Андрей претерпевал многие скорби от язычников. Его избивали, изгоняли из городов. Но Господь хранил своего избранника и по его молитвам совершал дивные чудеса. Последним городом, куда пришел святой апостол Андрей Первозванный и где принял он мученическую кончину в 62 году, был греческий город Патры.

После молебна и освещения Андреевских флагов мужской хор исполнил несколько песен. Красивое профессиональное церковное песнопение на многих произвело сильное впечатление.

Заместитель командующего ЧФ по работе с личным составом контр-адмирал Юрий Ореховский от имени

всех моряков-черноморцев поблагодарил митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия, всех священнослужителей за освящение корабельных Андреевских флагов Черноморского флота, которые будут пронесены по многим морям Мирового океана, ведь черноморцы не застаиваются у причалов, а постоянно находятся как в ближней, так и дальней морских зонах.

Затем на ступенях Владимирского собора – усыпальницы адмиралов прошло общее фотографирование с освященным Андреевским флагом гвардейского ракетного крейсера «Москва», награжденного недавно орденом Нахимова.

Завершилось мероприятие возложением цветов к монументу Героическим защитникам Севастополя 1941 – 1942 гг. на главной площади города.

Владимир ПАСЯКИН
Фото автора

АЛЕКСАНДР КУЛИКОВ. ЗНАК БЕСКОНЕЧНОСТИ

День морской пехоты РФ

Дорогие читатели!

Вы держите в руках первый номер, который выходит без моего друга, издателя журнала, человека с большой буквы, главы Кинокомпании «Союз Маринс Групп» Александра Куликова.

Его жизнь трагически оборвалась 28 ноября 2016 года во время крушения вертолета. Страшная боль пронзила сердца всех, кто был знаком или работал с Александром Куликовым. Я не могу остаться в стороне и не рассказать о человеке, с которым был знаком много лет и с которым нас связывали теплые дружеские отношения.

...Отношения с человеком часто определяются первым впечатлением и первой встречей. С Александром Геннадьевичем Куликовым мы познакомились в 2006 году. Я никогда не встречал в жизни человека с такими разносторонними талантами, как у него. За что бы он ни брался, в какую бы область ни направлял своих усилий – все ему удавалось. И как руководителю, и просто как человеку – равных ему не было ни по знаниям, ни по трудолюбию, ни по отзывчивости.

Когда он узнал, что мы – морпехи и издаем журнал «Морской пехотинец», то предложил помочь журналу, кото-

рый существовал с 1996 года и считался, да и до сих пор считается, лучшим журналом спецподразделений армии и флота. В то время тираж журнала был всего 3000 экземпляров, а так как наш журнал распространяется по всем флотам и воинским частям, то со временем этого количества стало не хватать, да и тематическое содержание журнала требовало пересмотра. Помощь Александра Геннадьевича пришлось как нельзя кстати. Потом мы полетели в Балтийск, где я провел его по воинской части, показал, как идет подготовка морской пехоты, как живут морские пехотинцы, познакомил с вокально-инструментальным ансамблем «Черные береты», который возглавляет Игорь Крещенок, кавалер ордена Мужества за первую чеченскую войну. Так началось наше совместное служение. Много чего мы успели сделать. В 2011 году инициировали еще один печатный проект – журнал «Служба и служение». Это уникальное издание, такого в спецслужбах больше нет. С его помощью появилась возможность рассказать о переходе самых разных людей от военной службы к служению Богу. Мы даже не ожидали, что так много военных принимают сан священника. Журнал получил большой отклик со стороны читателей и был одобрен Православной церковью.

У Александра Геннадьевича была отличительная черта – целеустремленность. За что бы он ни брался – не

Выступление на главной сцене столицы в День Победы

отступал. Чувство воли и чувство цели у него были исключительные. Это касалось всего, в том числе и творческих проектов. Александр Геннадьевич всегда любил петь, но профессиональных записей не делал. Сначала у него были концерты с «Черными беретами» на ведущих площадках Москвы, потом сложилась самостоятельная сольная карьера. В результате – концерт в Кремле. Он писал стихи и музыку, которая рождалась одновременно с текстом. Что говорить, одаренный был человек. Он всегда бросал вызов, и если кто-то чего-то не мог, Александр Геннадьевич говорил: «Сможешь! Я рядом!», «Человек может все!» – были его постоянные слова.

Восхождение на Эльбрус – его очередная вершина. То, что он с первого раза, без спецподготовки, интереса ради одолел величайшую вершину Европы, говорит о многом. Поставил цель переплыть 50-метровый бассейн под водой, по-морпеховски, на одном дыхании – и переплыл, пусть не с первой попытки, это характер, потому что не сила главное, а воля. Не силой добиваются, а волей – хоть на зубах... Воля, вера – это самые сильные качества человека. И это были качества Александра Куликова.

В 2010 году канал «Россия» приступил к съемкам сериала «Морпехи». Это практически автобиографический фильм. Александру Геннадьевичу было предложено сыграть роль адмирала. Он согласился. Сыграл он чисто, профессионально, убедительно. Он вообще всегда ставил себе высокую планку и достигал ее. После этого он загорелся темой кино и открыл новое направление в компании – кинопроизводство.

Первым фильмом стала экранизация повести Гоголя «Вий». Думаю, если бы не «Маринс Групп», этого фильма бы не было. Александр стал генеральным продюсером картины, и в одном из интервью он сказал: «Что такое сильное или слабое кино? Кто это решает? Для меня – это зритель. Для него мы снимаем наши картины, на него ориентируемся. Фильм – это ведь духовный продукт, который, прежде всего, воздействует на духовные, вечные ценности людей. Заставляет их задуматься о любви и дружбе, о доверии и верности. Сейчас как раз то время, когда зритель хочет думать. Мода на бесконечные «стрелялки», «взрывалки», «догонялки» начинает проходить.

Кадры из фильма «Морпехи»

Надо дать зрителю возможность что-то почувствовать, что-то предсказать, предугадать. Наша задача – объединить интертеймент, замысел и философию, чтобы все играло и звучало в одном ритме, как музыкальный инструмент. Такая цель».

Александр собрал сильных специалистов. Потом был фильм «Туфельки», сейчас на выходе – «Марсианин»...

... После гибели Александра Геннадьевича было решено сохранить кинопроизводство. На мой взгляд, это и дальше должно быть художественное кино. Может, со временем мы сможем снять фильм о нем. Кстати, он когда-то боялся летать. И чтобы преодолеть страх высоты, стал прыгать с парашютом. Вот такой человек!

Многие сравнивают его с Александром Невским, у которого не было ни одного проигрыша. Тотальная победа, во всем и всегда! Так и у Александра Куликова – за что бы ни брался, с какими бы трудностями ни сталкивался – всегда побеждал. И внешние препятствия, и внутренние он умело преодолевал. И что удивительно, девять дней памяти Александра Геннадьевича пришлось на день памяти Александра Невского. Он и часовню построил в Московской области (Мытищинский район) имени святого благоверного Александра Невского.

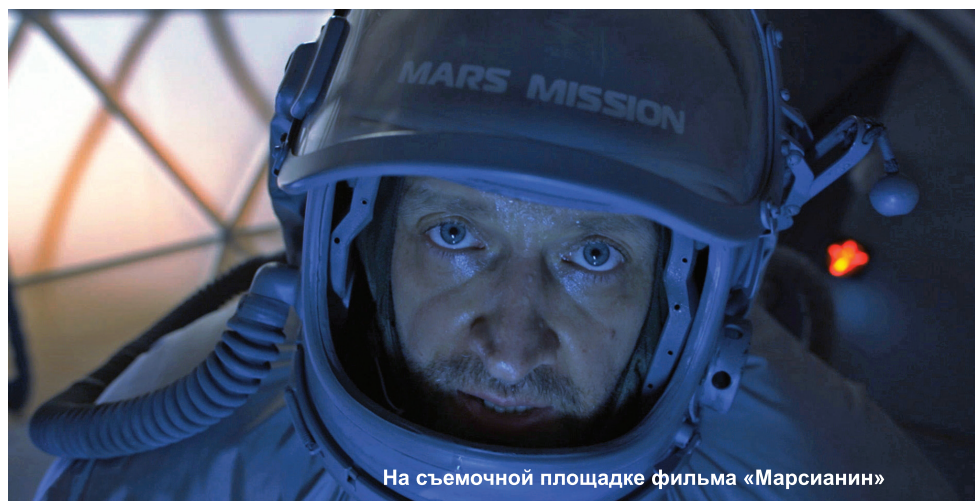
Но главным делом всей жизни Александра была компания «Союз Маринс Групп», которую он создал, которую

возглавлял и которой гордился. Он создал «Союз Маринс Групп» из маленькой группы людей и всего за двадцать лет превратил его в огромную, стабильно развивающуюся компанию. «Союз Маринс Групп» для него был домом, семьей, ребенком. Александр Геннадьевич считал, что самое главное достояние компании – это команда, которую он тщательно подбирал, спаянная боевым духом, единством, построенная на принципах доверия, уважения, любви, понимания. Ведь компания – это, прежде всего, не здания, не предприятия, это люди. Именно они делают компанию живой, бодрой, резкой. «Союз Маринс Групп» – целостная компания, постоянно движущаяся вперед, ставящая новые цели и достигающая их.

Трагедия сплотила команду. Ряды ее стали крепче, спаяннее. Время идет, а команда работает в едином порыве.

Компания – это дела, конкретные дела, конкретные проекты, конкретные результаты, за которые Александр Геннадьевич вместе с командой нес ответственность. И еще он умел мечтать. Мечтал высоко, красиво.

«У меня есть мечта, – говорил Александр, – мне хочется, чтобы «Союз Маринс Групп» продолжал свое победоносное шествие – это самое главное. Потому что мы ответственны не только за себя, мы ответственны за команду, за все наши проекты, которые еще только начинаются, – все это надо дальше двигать. Я очень хочу, чтобы мы были всегда вместе, побеждали бесконечно, и всегда победа была в наших руках».

На съемочной площадке фильма «Марсианин»

Наверное, потому и все проекты компании «Союз Маринс Групп» очень красивые, таких нет больше нигде. И так во всем, чего бы он ни касался.

Он всегда знал, куда надо идти и как надо делать. Компания для него была ВСЕМ. Он не просто был ее главой, он был ее вдохновителем, создателем. Он в нее вложил всю свою душу. Как в своего ребенка. Всегда все – для компании, все – в компанию. «Развитие мощного Союза в направлении процветания,

добра и красоты для силы и славы России» – так было определено кредо компании. И еще: «Достижение таких успехов, чтобы последующие поколения гордились нами».

А еще он мог «заразить» своей идеей. И легко убеждал других. Это называется харизма. И всегда думал о людях: «Мы создаем эмоции людей. Делая их счастливыми, мы сами становимся счастливыми. Мы живем для детей». Он был патриот. Очень любил Россию.

Говорил: «Я поездил по загранице – там нечего делать». И в последние годы вообще никуда не выезжал из страны. А по России ездил с удовольствием. Он хотел строить дома, целые города, создавать атмосферу гостеприимства в отелях компании, хотел построить парки аттракционов, тысячи колес обозрения по всей России, чтобы люди повсюду могли видеть сверху свою землю и любоваться, гордиться ею. Он хотел все и сразу. И по характеру своему ждать не умел и не любил.

И еще у него было редкое качество – он умел восхищаться идеями, делами, людьми... Я считаю, что человек без способности восхищаться вообще ничего не может сделать в жизни. Если бы у него не было такого качества, то не было бы ничего – ни песен, ни компании «Союз Маринс Групп», ни удивительной команды. У него было постоянное стремление к совершенствованию. Он был уверен, что в духовной жизни для человека нет пределов. Александр всегда старался поддержать человека, вдохновить его и говорил: «Я смотрю на это дело сверху. Вижу, все будет хорошо. Действуйте. Я рядом».

В последние годы Александр Геннадьевич много внимания уделял духовной жизни, встречался со священниками, ездил по храмам, помогал нуждающимся людям. Он считал, что

Вознесенская Давидова пустынь.
С настоятелем обители игуменом Сергием

человек – это бесконечная величина, он – Вечность. В его доме как элемент декора, сделанного дизайнерами, вдруг появилось число 28 и рядом – знак бесконечности. Ни он, ни окружающие не понимали значения этого знака, пока не пришла в нашу жизнь дата – 28 ноября... Тогда нам все стало ясно. Он жил на земле как бесконечность талантов и дарований, бесконечность идей и их воплощения. И в свою вечную жизнь ушел, оставив нам свое любимое детище – свою компанию.

Мы все, конечно, задаемся вопросом: как дальше жить без Александра. У него столько планов было, что не хватит времени их перечислить. Но то, что он начал – мы продолжаем. А проекты у него всегда были уникальные. Саша всегда говорил: «Мы все делаем для людей, а не для себя».

И мы будем продолжать строить, издавать, снимать...

Виктор ТАБАЧКОВ

Фото из архива пресс-службы
Кинокомпании «Союз Маринс Групп»

Галина Владимировна ОТДЕЛКИНА

Председатель Совета
Кинокомпании «Союз Маринс Групп»

«Александр Геннадьевич очень любил свою страну, любил Россию. Он мечтал, чтобы она стала великой и могучей державой, чтобы была единой, мощной. Чтобы люди хотели жить в ней, и у них была бы возможность здесь работать, отдыхать и растить детей. «Союз Маринс Групп» делал и делает все, чтобы эту мечту осуществить. У Александра Геннадьевича было невероятное количество планов, и к каждому проекту он относился внимательно, не терпел в нем никакого несовершенства. Создавал вокруг себя красоту, огромное количество социальных проектов, стремился помочь нашей стране возродиться».

Мы помогаем морской пехоте, помогаем храмам, монастырям, выпускаем журналы «Служба и служение», «Морской пехотинец», на протяжении вот уже почти двадцати лет работает авторская программа Александра Геннадьевича «Колыбель», благодаря которой рождаются на свет здоровые дети. Для каждого из нас «Союз Маринс Групп» стал не просто работой – это наша жизнь.

В наших сердцах, пока они быются, Александр Геннадьевич всегда будет жив».

Альберт Аргенович САРКИСЯН

Председатель Совета
директоров «Союз Маринс Групп»

«Для нас, для нашей компании Александр Геннадьевич был не только руководителем, это был наш друг, боевой товарищ, человек, без которого мы не могли представить ни своей жизни, ни развития Союза. Это был человек, которому мы безгранично верили, за которым шли; который одной только силой духа, силой мысли мог вдохновить тысячи людей, зажечь идеями и повести за собой. Для всего коллектива «Союза Маринс Групп» эта трагедия – незаживающая рана, непрекращающаяся боль. Утрата не сломила коллектив, не остановила развитие компании. Напротив, каждый сотрудник работает с удвоенным стремлением и желанием. Александр Геннадьевич мечтал, чтобы дело всей его жизни – компания «Союз Маринс Групп» – жило вечно. И мы сделаем все, чтобы эта мечта осуществилась».

МИТРОПОЛИТ ФЕОФАН: «Первое, что увидел, — направленные прямо на меня автоматы со штыками»

Глава Татарстанской митрополии о том, как в октябре 1993-го ходил парламентаром в Верховный Совет и могла ли вспыхнуть гражданская война.

«Я спиной ощущал, как за мной наблюдают через снайперский прицел», — вспоминает митрополит Казанский и Татарстанский Феофан, который в дни «черного октября» встречался с Руцким и Хасбулатовым, чтобы склонить их к миру. В интервью он рассказал, как по поручению патриарха Кирилла, бывшего тогда митрополитом, организовывал переговоры Кремля и Белого дома, как обещал мятежным депутатам пойти вместе с ними в тюрьму и почему следом за Москвой в 1993 году не «полюхнула» вся Россия.

«Уже был издан указ Ельцина о том, чтобы в дом советов и муха не пролетела» — Владыка, исполняется 23 года с октября 1993 года, когда Ельцин силой танков подавил восстание Верховного Совета РФ. Вы, насколько известно, не только участвовали в тех событиях, но и по поручению патриарха пытались примирить враждующие стороны. На роль парламентаря вас утвердили в Кремле. Расскажите, как это произошло. Почему именно вам, церковному деятелю, а не политику, доверили эту довольно необычную миротворческую миссию?

— Вспомним, что осенью 1993 года состоялся визит святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II в США. И вот прямо во время этого визита противостояние между Кремлем и Верховным Советом обострилось настолько, что патриарх был вынужден срочно вернуться в столицу (о политическом кризисе на родине председатель РПЦ узнал, находясь в аэропорту на Аляске, и сразу же вылетел домой самолетом через Европу, поневоле совершив кругосветное путешествие, как сам впоследствии отмечал в разговоре с журналистами. — Прим. ред. http://ruskline.ru/news_rl/2004/06/22/glavnyj_dolg).

В отсутствие предстоятеля церкви идеологом переговоров между Кремлем и Белым домом выступил митрополит Смоленский и Калининградский – сегодняшний святейший патриарх Кирилл. Я очень хорошо это помню, мы подробно обсуждали с ним возникшее в Москве противостояние. И митрополит Кирилл повторял: «Мы на грани гражданской войны. Надо что-то делать». Электричество конфликта, который мог вспыхнуть с невиданной силой в столице и распространиться потом на всю страну, висело в воздухе. Мы все это ощущали. В этой ситуации посредником могла выступить только незаинтересованная сторона – те люди, которые не состоят ни в каких партиях, не входят ни в какие правящие кланы. Митрополит Кирилл предложил, чтобы в этой роли выступила православная церковь, и не просто предложил, а убедил в этом патриарха Алексия. Какое-то время потребовалось на то, чтобы согласовать это намерение с администрацией президента, правительством и Верховным Советом. Наконец все согласилось: да, нужны переговоры.

– И какие шаги были предприняты?

– Накануне того, как противостояние перешло в острую фазу (случилось это, как известно, 3 – 4 октября 1993

года), мы собрались в Чистом переулке (здесь размещается Московская патриархия. – Прим. ред.). Кто собрался? Сам святейший патриарх Алексей II, митрополит Кирилл, митрополит Ювеналий и ваш покорный слуга. От правительства присутствовали Олег Сосковец, тогда – первый вице-премьер РФ (позже, какое-то время спустя после этих событий, я его окрестил), мэр Москвы Юрий Лужков, председатель Конституционного суда Валерий Зорькин, а также Рамазан Абдулатипов, на тот момент – председатель совета национальностей Верховного Совета РФ, и Сергей Филатов, возглавлявший президентскую администрацию.

В том, что переговоры нужны, вроде бы никто не сомневался. Какое-то предварительное согласие на них было получено и со стороны Верховного Совета. Но кто пойдет в Белый дом в качестве парламентаря? Переглядывались, перебирали кандидатуры. Уже был издан указ Бориса Ельцина о том, чтобы в мятежный Дом Советов и муха не пролетела. Оцепление было выставлено по всему периметру. При этом сам Верховный Совет и Съезд народных депутатов упразднились и подвергались роспуску, чего, естественно, никто из народных избранников не

послушался. Но ни выйти из оцепления силовиков, ни пройти за него, не имея особых полномочий, было немислимо. Странники Ельцина могли десятки раз задержать парламентария на подходе Белому дому, а сторонники Руцкого и Хасбулатова – по какой-либо причине не пустить его к своим революционным «вождям». Поэтому все заранее понимали, что миссия переговорщика, буде таковой найдется, очень непростая и опасная. Кто же все-таки пойдет?

Здесь митрополит Кирилл и предложил мою кандидатуру. Выглядело это примерно так: «Есть у нас человек, который имеет большой опыт работы за рубежом и дипломатических контактов, знает, как надо договариваться».

– А какой дипломатический опыт на тот момент у вас уже был?

– На тот момент у меня за плечами были Израиль, Аргентина и Египет. Дипломатический багаж был уже большим. А в 1993 году я работал помощником митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, нынешнего патриарха Русской православной церкви (с 1993-го по 1999 год митрополит Феофан был заместителем председателя отдела внешних церковных сношений Московской патриархии. – Прим. ред.).

В принципе, меня и так все знали – как с той, так и другой стороны. Доложили о выборе Борису Николаевичу [Ельцину], тот дал добро. Таким образом, я и отправился в эту вроде бы короткую (по времени и расстоянию), но одну из самых нелегких в своей жизни миссий – миссию миротворца между двумя смертельно поссорившимися ветвями российской власти.

«Спиной ощущал, как за мной наблюдают через снайперский прицел»

– Как вам все-таки удалось пройти за оцепление?

– Сегодня трудно представить, какая тогда в Москве царил неразбериха! Войска Дома Советов по приказу Ельцина

сомкнулось несколько колец оцепления: милиция, спецподразделения «Вымпел» и «Альфа». На самом верху было отдано распоряжение пропустить меня. И вот представьте: все ждут исхода моей миссии, а на первом же посту меня останавливают и начинают засыпать недоуменными вопросами: кто вы да куда, а с кем это согласовано? В общем, говоря по-русски, они меня так мурыжили не меньше часа, прежде чем разрешили пройти.

– Вы были в церковном облачении?

– Да, я был в облачении. Наконец через первое кольцо меня пропустили. Только прошел – сразу второе кольцо. И та же старая песня: кто вы да куда? Я начинаю доказывать, что у меня осо-

бые полномочия, киваю на то, что меня только что досконально проверили. Не помогает.

А погода такая промозглая, осенняя, дело к вечеру, и я устал уже, и они устали. Приходит очередное подтверждение, что меня следует пропустить. Об этом мне, кстати, сказал один подполковник – злой, напряженный, в каске. Он стоял, загораживая собой «калитку» (выход за металлические ограждения). И вот, уже освобождая мне путь, он неожиданно спрашивает: «Слушайте, а вы не боитесь?» Я говорю: «А чего бояться-то?» Подполковник: «Пространство очень хорошо простреливается. Снайперы палят с высоток. И наши на взводе все, и оттуда могут подстрелить». Я пожал плечами: «Спасибо, отец родной, утешил». И пошел дальше.

Есть ли у человека страх – не страх Божий, а обычный? Конечно, есть. Это нормальный инстинкт самосохранения. Идти до Белого дома мне было метров 200, не больше. Но идти одному по совершенно пустому пространству было жутко. Каждую секунду хотелось оглянуться: откуда в меня целятся? Спиной ощущал, как за мной наблюдают через снайперский прицел. Думаю про себя: нет, ни в коем случае нельзя убыстрять шаг, надо идти ровно, спокойно, чтобы было видно, что я уверен в себе, что я не просто так здесь иду...

Вот и Белый дом. Первое же, что я увидел, – направленные прямо на меня автоматы со штыками, как в революционное время. И те же вопросы, что

у ельциновского оцепления, только еще грубее: «Ты кто такой? Куда прешь?» Я говорю: «Ты мне не тыкай. Я сейчас все объясню». И рассказываю, что я парламентар и меня уже ждут. Революционный конвой: «Нет, это невозможно!» Я: «Отведите меня к Хасбулатову или Руцкому. Лучше – к Хасбулатову. Меньше разговаривайте – вызывайте старшего. Есть ведь у вас старший? У вас же не анархия! У вас тут власть, как вы сами говорите».

– А кто это были? Ополченцы из РНЕ Баркашова? Может быть, национал-большевики Лимонова?

– Нет, это, как я понял, была охрана Дома Советов. Там же существовала своя охрана, которая не разбежалась после ельциновского указа, хотя не могу утверждать: в Белом доме уже все и вся перемешалось. Наконец подошел старший охраны – связался с Русланом Хасбулатовым (телефоны были отключены, но какие-то каналы связи оставались, некоторые переговаривались по рациям). Меня пропустили внутрь.

«Говорю руцкому: «я что, пришел сюда мат твой слушать?»

– И вот: большой кабинет, сидит, купаясь в крошечном табачном чаду, Хасбулатов с трубкой. А я его раньше знал – пару раз официально встречал его в Египте (с 1989 года митрополит Казанский и Татарстанский Феофан работал экзархом патриарха Московского при патриархе Александрийском. – Прим. ред.). Он приезжал к нам как председатель Верховного Совета, и я его сопровождал во время визитов. Так что личный контакт у нас уже был. Сели, начали беседовать. Долго я его уговаривал согласиться хоть на какие-то переговоры с Ельциным. Цель-то была ясна нам обоим: не допустить ни в коем случае гражданской войны. Надо попытаться те разногласия, которые возникли между законодательной и исполнительной властью, разрешить мирным путем. Не должна проливаться кровь!

Наконец Хасбулатов согласился. Набрал на отдельном листке фамилии тех, кого он хотел бы видеть в своей делегации переговорщиков. Говорит: «Но, знаете, я не могу принять окончательного решения. У нас есть исполняющий обязанности президента РФ – Александр Руцкой (самопровозгласил себя в качестве такового 22 сентября 1993 года. – Прим.

ред.). Пойдем к Руцкому, поговорим». Я думаю про себя: «Нет, дудки. Если мы с тобой, Руслан Имранович, сейчас пойдем вместе к Руцкому, вы друг перед другом начнете демонстрировать свою принципиальность и непоколебимость. Так ничего у нас не получится». У меня все-таки – дипломатический опыт и интуиция. Поэтому я говорю Хасбулатову: «Слушай, зачем нам вместе идти? Я Руцкого хорошо знаю лично (это правда: он с Курска, и я с Курска, мы неоднократно встречались). Ваше согласие есть, вы тут на бумаге все написали. Я сам схожу». И чувствую – у Хасбулатова аж от сердца отлегло – это было ему на руку. Поэтому он удивительно легко согласился.

Кабинет Руцкого в Доме Советов был парой этажей выше. Поднимаюсь, захожу – там тоже чад, дым коромыслом. Первое, с чего начал Руцкой, – с крика о каких-то березах. Я поначалу даже не понял, переспрашиваю. Он: «Да этот Береза, который в Кремле, – повесить его надо! И Ельцина с ним туда же!»

– Это он про олигарха Бориса Березовского?

– Да. Кричит и матерится. Я ему: «Ты мне раньше сколько раз повторял, что ты верующий! Чего ты сейчас по матери орешь? Я что, пришел сюда мат твой слушать? Давай поговорим по-нормальному». А Руцкой был не один – в кабинете сидели министр безопасности Виктор Баранников (хо-

роший мужик все-таки был), Андрей Дунаев (его Верховный Совет провозгласил и. о. министра внутренних дел. – Прим. ред.), кто-то еще. Начали беседовать. Я говорю: «Если прольется кровь, это на вас же и ляжет».

В конце концов, на то, чтобы начать переговоры, согласились и Руцкой, и Баранников. Передаю листок, написанный от руки Хасбулатовым. Вроде бы все довольны – хотя бы какой-то мирный процесс пошел, а не огульное противостояние. И мне самому казалось, что обратно из Белого дома я шел если не с победой, то с надеждой на то, что все закончится благополучно.

«Если придется идти в тюрьму – вместе пойдем в тюрьму!»

– Почему же все сорвалось?

– А дальше случилось то, что случилось. На следующий день мы собрались в Свято-Даниловом монастыре на обещанные переговоры. Ждем: 10, 20 минут, полчаса... От Верховного Совета по-прежнему нет делегации. У всех присутствующих возникает логичный вопрос: а кто ездил вчера договариваться?

– И все дружно на вас посмотрели?

– Да, все же помнят, что именно я ездил договариваться! Думаю: «Делать нечего – надо ехать опять в Белый дом, узнавать, в чем дело». Поехал. На этот раз долгих проверок не было – пропустили. Я захожу – там идет последнее

общее заседание Верховного Совета РФ. Я объявил о своем приходе порученцу Хасбулатова. Меня попросили посидеть, подождать. Нет, говорю, я тоже хочу несколько слов сказать! Порученец: «Вы подойдите к Хасбулатову, скажите ему шепотом на ухо». Думаю: «Если я сейчас со спикером шептаться начну, меня же с легкостью в створе и обвинят». Отвечаю порученцу: «Так дело не пойдет. Тут сидят депутаты, парламентарии, а я что-то на ушко шепчу их председателю. Это нехорошо, неэтично». Он: «Ладно, садитесь тут перед Хасбулатовым».

Я присаживаюсь и делаю знак Руслану Имрановичу – мол, дайте мне всего одну минуту! Хасбулатов сразу уловил – он толковый в этом плане был. Заявляет громко на весь зал: «Уважаемые товарищи депутаты! К нам пришел архимандрит Феофан, который был у нас вчера. Он просит слова. Дадим ему?» Из зала закричали: «Дадим!»

Я поднимаюсь на трибуну и говорю: «Слушайте меня внимательно, дорогие товарищи депутаты! Вчера вообще-то мы договорились о большом деле – начать переговоры. А сегодня мы все стоим на грани преступления! Вы отказались ехать на мирную встречу. Если сейчас переговоры окончательно сорвутся, знайте: вся ответственность ляжет на вас. Потому что делегация другой стороны вас уже ждет».

Поднялся шум, гам, разноголосые выкрики. Ничего толком понять было невозможно. Я вцепился в трибуну и говорю: «Не уйду отсюда, пока со мной не поедет ваша делегация». Депутаты: «Нет, мы должны посоветовать-

ся!» Я: «Зачем еще советоваться? Вчера решение уже приняли!» Тогда они настояли, чтобы делегацию Верховного Совета возглавил Юрий Воронин, первый зампред российского парламента (кстати, уроженец Казани. – Прим. ред.). А Воронин, к сожалению, был очень радикально настроен. Тем не менее он согласился. Спросил только: «А кто даст гарантию, что меня сразу не арестуют? С моей машины уже и номера сняты». В самом деле, кто? Под рукой никаких телефонов, посоветоваться не с кем. Мне ничего не оставалось делать, как заявить: «Я даю гарантию от имени патриарха! Вместе поедет! Если придется пойти в тюрьму – вместе пойдём в тюрьму!»

В общем, своего мне все-таки удалось добиться: Юрия Воронина и других представителей Верховного Совета я привез в Свято-Данилов монастырь. Таким образом, переговоры все-таки состоялись. То, что они не увенчались успехом, уже не моя вина, я никакого участия в составлении договоренностей между Кремлем и Белым домом не принимал и принимать не мог.

«Страна не сорвалась в штопор благодаря усилиям нынешнего святейшего патриарха»

– А на каком этапе переговоры были сорваны?

– Уже возникла вполне позитивная и разумная повестка – казалось, что разум возобладает. Но тут генерал Альберт Макашов и другие радикалы из числа защитников Белого дома предприняли штурм телецентра «Останкино». Одновременно была захвачена

московская мэрия. Конечно же, это сделало дальнейшие переговоры невозможными.

Иногда говорят, что не стоило и пытаться наладить мирные контакты – все равно дело шло к кровавой развязке. Нет, стоило! Иначе кровопролитие и революционное насилие могло принять совсем другие масштабы. Когда танки Кантемировской дивизии были выведены на мост над Москвой-рекой, нынешний святейший патриарх Кирилл, а тогда митрополит Смоленский и Калининградский, пытался связаться с Ельциным. И он уже практически вышел на связь с Борисом Николаевичем, однако прямой разговор так и не состоялся, потому что нашлись силы, которым это было невыгодно.

Это, кстати, происходило при мне. Когда стало ясно, что связи с Ельциным не будет, митрополит Кирилл принял стремительное решение сесть в свой автомобиль и прорваться к танковым экипажам, чтобы остановить начинающийся обстрел Белого дома. Он уже выехал, когда все переполошились: куда же он поедет, нельзя этого допускать! Однако пробиться сквозь оцепление и ужесточившийся по случаю начала открытых военных действий контроль митрополиту Кириллу все равно не удалось – дороги были полностью перекрыты. Но это, без сомнения, был очень смелый и мужественный поступок. Уже вовсю пахивало порохом, где-то на улицах царил сумятица, а где-то висела зловещая тишина – ни души, ни одного прохожего. Появиться в «зачумленных» районах в такие часы было рискованно для жизни, каким бы саном или званием ты ни был облечен. Но нынешний святейший патриарх не испугался. Об этом мало кто знает, но это ведь не означает, что об этом не надо говорить.

Оглядываясь назад, я могу сказать, что в той ситуации митрополит Кирилл вообще играл ключевую роль в лоббировании мирного сценария развития событий. Именно он был инициатором и идеологом переговоров и сам активно в них участвовал. Именно он делал все возможное и невозможное, чтобы танки не начали палить по парламенту. Когда же это все-таки произошло, митрополит Кирилл не опустил рук – он встретился с сенаторами и по-прежнему добивался того, чтобы остановить кровопролитие, чтобы предотвратить дальнейшие репрессии против защитников Белого дома. Хотя период смуты и нестабильности чрезвычайно опасен (еще неизвестно, как все повернется), и большинство пред-

почитает его переждать, не вставая ни на чью сторону. Но митрополит Кирилл смотрел дальше тех, кто руководствовался сиюминутной выгодой. Ему удалось настоять на том, чтобы Кремль воздержался от тотальной силовой акции в отношении оппозиции. Он сделал все, чтобы не допустить гражданской войны, чтобы не польхнула вся Россия.

Кстати, в осажденный Белый дом из священнослужителей ходил также митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий – для того, чтобы разрядить обстановку. Он тогда был уже очень опытным – и как дипломат, и как бывший председатель отдела внешних церковных сношений (занимал этот пост в течение девяти лет, с 1972-го по 1981 год. – Прим. ред.). Так что церковное участие в сворачивании конфликта было чрезвычайно активным. Еще раз повторяю: горячие головы были остужены. И бесполезна была наша переговорная миссия.

– То есть наша страна не ушла в штопор в 1993 году во многом благодаря вашей миссии парламентария и усилиям нынешнего патриарха?

– В первую очередь благодаря усилиям нынешнего святейшего патриарха. Неправильно, если вы припишете мне какие-то героические поступки. Я делал только то, что мне поручало наше церковное руководство. Невозможно сейчас рассказать обо всем, что тогда происходило: за кадром остаются еще многие эпизоды, но в будущем мы поговорим и на эту тему.

– Вы встречались после этих событий с Руцким и Хасбулатовым, когда они были освобождены из тюрьмы?

– Да, неоднократно встречался с обоими. С Хасбулатовым случилось общаться и тогда, когда разразился кризис в Беслане в 2004 году.

– Вспоминали с ними об октябре 1993 года?

– Конечно, вспоминали. Но у каждого своя правда. Однако было ясно одно: конфронтация в той степени, которой она достигла в октябре 93-го, была недопустима. Слишком много крови пролилось в XX веке благодаря всевозможным революционным побрякам.

– Сейчас события того времени трактуются как разгром патриотической оппозиции либеральным Кремлем. Но была ли та оппозиция патриотической?

– Нельзя сказать, чтобы среди защитников Дома Советов не было патриотов. Конечно, были. Мы не можем назвать этих людей полностью оголтелыми. Но и либералы – далеко не пушистые ангелы. Палить из пушек по собственному парламенту – это не очень-то демократично. Вспомните, как преподносили расстрел Белого дома CNN и другие иностранные телеканалы – как какой-то триумф над теми, кого окрестили «красно-коричневыми». Но разве может быть триумфом победа в гражданской междоусобице?

Однако беспристрастно оценивать, кто прав был в этом конфликте, рано, слишком мало времени прошло – 23 года для истории не срок. Очевидно лишь одно: страна не сорвалась в братоубийственную войну, как в начале XX века, и немалую лепту в мирный сценарий внесла именно православная церковь.

Валерий БЕРЕСНЕВ
Фото: tatarstan-mitropolia.ru

ТАМ – ПОБЕДА!

КИНОКОМПАНИЯ
СОЮЗ МАРИНС ГРУПП